

ОТЕЧЕСТВО

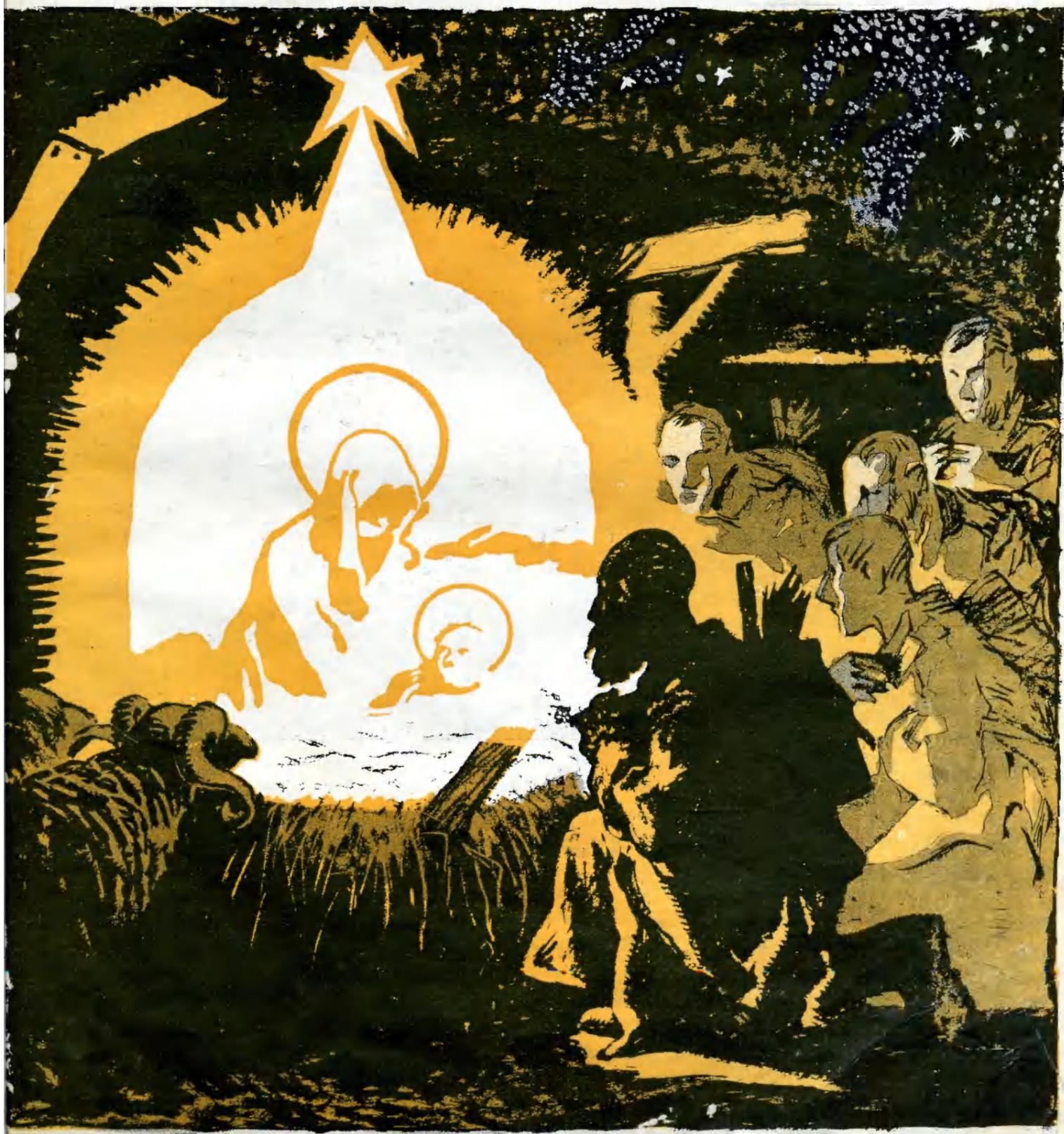
1-я экз.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 7.

ПЕТРОГРАДЪ.

25 ДЕКАБРЯ 1914 г.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ.

Картина Н. К. Рериха.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

Николаю Константиновичу Рериху.

Вижу три свѣчи на родной землѣ.

Первая свѣча нескорая въ подземельѣ у лютаго чернаго пороха, — грозная, за святую Русь и Москву сожгла.

— Эй, подбопщики, зажигальщики, вашъ часъ насталъ!

Воску яраго свѣча затеплилася...

А вторая свѣча скорая въ чистомъ полѣ въ красномъ шатрѣ передъ Спасомъ заступающимъ.

— Помилуй насъ!

Третья свѣча — страшной огонь — въ сердцѣ святой Руси милосердой, скорбѣющей за весь мѣръ.

— За святую Русь помилуй насъ!

1914 г.

Алексѣй Ремизовъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.
НА СѢВЕРѢ.

РАЗСКАЗЪ.

ОБОИМЪ влюбленнымъ было за пятьдесятъ: Мартъ Иконенъ пятьдесятъ одинъ годъ и Герману Метанену—пятьдесятъ шесть. Когда началась у нихъ эта странная, смѣшная и печальная любовь, не зналъ никто въ Мецикюляхъ, да и не старался узнать: тамъ люди молчаливы, и скрытность ихъ естественна, какъ естественно молчаніе зеленыхъ мховъ, безгласность снѣга и глубокая тишина невысокихъ небесъ. Оба они вдовѣли: и Марта и Германъ, но каждый въ бракѣ своемъ жилъ хорошо, какъ это принято у молчаливыхъ людей, которые не кричатъ и не жалуется; и у Марты былъ сынъ, высокій, худой, склонный къ чахоткѣ, работающій Вилли, а у вдовца осталась дочь, уже немолодая и некрасивая дѣвушка, съ широкоскулымъ злымъ лицомъ и водянистыми глазами. Ея сѣрожелтые волосы напоминали парикъ у дешевыхъ куколъ, а юбка непонятнаго цвѣта и вылинявшая кофточка имѣли такой видъ, какъ будто больше всего на свѣтѣ ненавидитъ она свою одежду. Звали ее Тильда.

Но далеко позади тихой полосы вдовства, за тѣмъ временемъ, когда еще не рожались на свѣтѣ ни Вилли, ни Тильда — вспоминалось стариками нѣчто милое сердцу, что и было, вѣроятно, началомъ ихъ необыкновенной любви. Однажды лѣтомъ, идя каждый по своему дѣлу, они встрѣтились въ лѣсу и молча прошли вмѣстѣ восемь километровъ; у большой дороги они простились и каждый пошелъ дальше по своему дѣлу: Марта, тогда еще дѣвушка, готовилась къ своей свадьбѣ, а Германъ, тогда еще женихъ, готовился къ своей. Только всего и было; впрочемъ, прощаясь, Германъ долго держалъ руку дѣвушки, а она долго держала свою руку въ его рукѣ, но молчанія они не нарушили и оба смотрѣли въ сторону. Это было лѣтомъ, у большой дороги, на опушкѣ лѣса. И Германъ видѣлъ возлѣ трухляваго пня кустикъ земляники, которой много уродилось въ то лѣто,

а Марта слушала, какъ звенятъ бубенцами невидимая въ лѣсу корова и теленокъ; но сказать они ничего не сказали и молчанія не нарушили.

Овдовѣвъ, они стали чаще видѣться другъ съ другомъ, но не такъ часто, чтобы это бросалось въ глаза; иногда недѣлями не встрѣчались. Дома ихъ, проконопаченные мхомъ, почернѣвшіе отъ снѣга и осеннихъ дождей, находились рядомъ, и смежные небольшие участки ихъ земли раздѣлялись гнилымъ заборомъ изъ наклонныхъ черныхъ жердей; въ одномъ мѣстѣ верхнія жерди проломилась, и тутъ былъ лазъ, которымъ они пользовались для сосѣдскихъ дѣловыхъ сношеній. И у Германа его неширокая полоса земли была подъ травой, и не было на ней ни кустика, ни дерева, а у Марты часть земли запахивалась сыномъ подъ овесъ, и былъ кромѣ того, кусокъ сѣраго коряваго лѣску, откуда брали сучья на зиму. И вокругъ, до самаго чернаго сплошнаго лѣса на холмѣ, стояли одиноко такіе же домики и такіе же заборы, и жили въ нихъ все такіе же Иконены и Метанены: другихъ фамилій почти совсѣмъ не было въ Мецикюляхъ. Вѣроятно, всѣ они находились въ далекомъ родствѣ, какъ въ родствѣ состоятъ и деревья въ лѣсу, родившіяся отъ общаго сѣмени.

Съ любовью своею Германъ и Марта не торопились, и она росла медленно, какъ всякая поросль: весною и лѣтомъ быстрѣе, зимою совсѣмъ оставалась; очень возможно, что они просто не замѣчали теченія времени или не видѣли ему конца. И когда рѣшили они пожениться, то встало передъ ними новое препятствіе: по строгому закону страны, старики за пятьдесятъ лѣтъ могутъ вѣнчаться только съ разрѣшенія дѣтей. Они знали и раньше про этотъ законъ, но можетъ быть имъ не хотѣлось про него думать; но тутъ пришлось.

Происходило это весною, въ маѣ, когда всякая любовь шагаетъ быстро; но хотя день былъ ясный и теплый, сидѣли они въ избѣ у Марты, на лавкѣ,

передъ закрытымъ окномъ, за которымъ неясно желтѣлъ дугъ въ золотенькихъ скромныхъ цвѣточкахъ. И оба думали.

— Вилли не позволить— сказала Марта.

— Нѣтъ, позволить. И моя Тильда позволить. Какъ ей не позволить?—сказалъ Германъ. У него были рыжіе бачки кустиками и красное сморщенное лицо; съ годами онъ сталъ легкомысленъ и самонадѣянъ.

— Нѣтъ, не позволить— сказала Марта.

И Вилли дѣйствительно не позволилъ. Черезъ недѣлю, вечеромъ, у того же окна, онъ выслушалъ просьбу матери и долго молчалъ, сжавъ тонкія сѣрыя губы. Вѣроятно, онъ былъ удивленъ, но не показалъ этого, и въ его голубыхъ, какъ кусочки стекла, маленькихъ глазахъ нельзя было прочесть ни удивленія, ни сочувствія, ни гнѣва. И, помолчавъ еще, рѣшительно и коротко сказалъ:

— Нельзя.

— Почему нельзя? А если можно? Ты подумай, Вилли, я подожду.

Но, и еще подумавъ, онъ такъ же коротко и рѣшительно отвѣтилъ:

— Нельзя.

Потомъ они еще часъ сидѣли рядомъ на лавкѣ и молчали. И въ тотъ же вечеръ такой же отвѣтъ получилъ Германъ отъ своей дочери Тильды. Но и злой отвѣтъ былъ быстрѣе, и Германъ не сразу поддался, даже кричалъ и обругалъ свою дочь:

— Сатана!

А у той побѣлѣлъ носъ и покраснѣли скулы, и видно было, что она ненавидитъ не только платье свое, но и глиняные волосы, и отца, и весь свѣтъ.

Черезъ часъ Германъ и Марта сошлись у забора. Они не назначали свиданія, но такъ случайно вышло, что каждый пошелъ къ забору; и Марта сказала:

— Вилли не позволилъ. А Тильда тоже?

— Тоже. Сатана!

А въ окна, пока они думали, смотрѣли на нихъ Вилли и Тильда, каждый въ свое; и за грязнымъ стекломъ ихъ лица были, какъ сѣрыя неподвижныя пятна. Уже наступила ночь, но свѣтъ еще не погасъ, и не было вѣроятія, что когда нибудь и погаснетъ: такъ былъ онъ неподвиженъ и тусклъ. Надъ головою беззвѣздное небо мутнѣло голубымъ, а на западѣ, надъ оранжевой полоскою заката, синими тяжелыми свитками перекинулись неподвижныя тучи, на одномъ краю завязавшись въ большіе мягкіе узлы. Но если бы и двинулись онѣ и закрыли небосводъ, свѣтъ все жъ бы не погасъ, и только не такъ красна стала бы крыша на далекомъ господскомъ домѣ. Было тепло, подъ обрывомъ дымилась рѣка ночнымъ туманомъ, а за рѣкой, въ березовомъ пахучемъ лѣсу, куковала

кукушка. Это была весна, Май, когда широко шагаетъ всякая любовь.

И Германъ рѣшительно сказалъ:

— Завтра я поѣду въ Выборгъ. Мы еще посмотримъ!

— Поѣзжай — согласилась и Марта.

Черезъ недѣлю Германъ поѣхалъ въ Выборгъ. Это было первый разъ, когда онъ такъ далеко уѣзжалъ изъ Мецикюль, хотя ѣхать по желѣзной дорогѣ приходилось всего три часа; и въ первый разъ онъ видѣлъ городъ. Какъ и деревья въ ихъ лѣсу, Метанены и Иконены вообще никуда не ѣздили, а если кто сходилъ съума, то онъ прямо уѣзжалъ въ Америку и пропадалъ навсегда, какъ срубленная сосна. Но и въ Выборгѣ ничего хорошаго не сказали Герману, а спирту онъ напился, а деньги пропилъ и потерялъ и назадъ вернулся только черезъ пять дней пѣшкомъ. Потомъ, черезъ нѣкоторое время еще, Германъ и Марта вдвоемъ ѣздили къ приходскому ленсману, за двадцать километровъ, и всѣ уже знали, глядя на нихъ, зачѣмъ они ѣдутъ; знали и то, глядя на нихъ въ обратномъ пути, съ чѣмъ они возвращаются. Но ни въ однихъ изъ наблюдавшихъ глазъ, ни въ голубыхъ, ни въ сѣрыхъ, нельзя было прочесть ни удивленія, ни сочувствія, ни насмѣшки. ѣздили они на чужой лошади, которую выпросилъ Германъ у сосѣда, и на возвратѣ Германъ гналъ ее безъ милосердія и кричалъ на нее: сатана!

Видя, что законъ сильнѣе ихъ любви, Марта и Германъ рѣшили подкупить дѣтей: у Марты отъ покойнаго мужа оставалось спрятанными четыреста марокъ, да у Германа за проданный когда то участокъ сохранилось около восьмисотъ, итого тысячу двѣсти. Но и на деньги не пошла непреклонная Тильда, а Вилли съ тѣмъ же безучастнымъ видомъ, и также коротко отвѣтилъ:

— Нельзя.

На самомъ дѣлѣ и Вилли и Тильдѣ деньги были очень нужны, такъ какъ за это время, подчиняясь дѣйствию весны и обстоятельствъ, они сами успѣли полюбить другъ друга и сами рѣшили пожениться: они были молоды, и это было ихъ право, котораго никто не отрицалъ. Къ тому же велъ ихъ и хозяйственный расчетъ: въ отдѣльности каждый имѣлъ мало, а вдвоемъ они будутъ имѣть большое поле, частью подъ травою, а частью подъ овсомъ, и небольшой корявый лѣсокъ.

Марта ничего не сказала, узнавъ о намѣреніи дѣтей жениться, а Германъ ругался и ходилъ молчать по сосѣдямъ, у которыхъ рассчитывалъ найти сочувствіе; но сочувствія не встрѣтилъ, и они тоже молчали, и кончалось лѣто, съ которымъ проходитъ и любовь, — и скоро онъ успокоился. Теперь по раннимъ вечерамъ, въ холодкѣ насту-

пающей долгой ночи, у забора молча стояли и смотрѣли въ стороны влюбленные Вилли и Тильда, а за грязными стеклами окна сѣрѣло неподвижное пятно лица Марты. Сперва ихъ было два: Германъ тоже глядѣлъ на влюбленныхъ, покамѣстъ ему не надоѣло это.

И къ зимѣ все стало такъ, словно никогда Германъ и Марта и не думали жениться, а Вилли и Тильда всегда были женихомъ и невѣстой. Они уже вмѣстѣ ѣздили въ Выборгъ, на ярмарку, покупать наряды и лошадь для Вилли, такъ какъ Германъ отдалъ дочери деньги, и также пошла Марта съ своими четырьмя сотнями марокъ. И всѣ знали, зачѣмъ они ѣдутъ, а потомъ всѣ узнали новую лошадь Вилли и молча занесли ее въ списокъ живыхъ тварей, населявшихъ Медикюли и бывшихъ на счету у приходскихъ властей и у Бога.

Подъ самое Рождество Марта пропала. Два дня молчалъ и ждалъ ее сынъ Вилли, и всю вторую долгую ночь не спалъ: выходилъ раздѣтый за дверь и слушалъ. Но все молчало, и снѣгъ былъ бѣлъ даже въ темнотѣ, а избы и заборы черны, чернѣе же всего было небо за бѣлой прямой крышей Тильдинаго дома. На третій день, когда разсвѣло, Вилли позвалъ съ собой рыбака Айрика съ багромъ, и они вдводемъ пошли разыскивать пропавшую Марту. Ясные на неглубокомъ снѣгу, прямые слѣды шаговъ привели ихъ къ забору, къ тому лазу, черезъ который общались сосѣди; потомъ слѣды пересѣкали всаханное съ осени, замерзшее подъ снѣгомъ поле, и тутъ были неровны, нога вихлялась на колчакъ. Дальше слѣды по крутому спуску, по снѣжной цѣлинѣ привели ихъ на рѣку,—и тутъ дѣло стало ясно.

На льду снѣгу было совсѣмъ мало, и Марта

шла прямо и ровно, какъ по ниточкѣ, ни разу не остановилась и не повернула, шла, какъ приходскій землемѣръ; и по бокамъ ея узкаго слѣда молча и неторопливо шагали Вилли и рыбакъ Айрика съ багромъ. У проруби, гдѣ снѣгъ оледенѣлъ отъ пролитой воды, они остановились и закурили, всматриваясь въ черное отверстие, уже затянувшееся тонкимъ ледкомъ; но зоркій Айрика увидѣлъ слѣды за прорубью, и они пошли дальше. За лѣсистымъ поворотомъ открылась черная полоса, пересѣкавшая рѣку: тамъ находилась быстрина, не замерзающая въ самые сильные морозы, а передъ быстриною было глубокое мѣсто; и туда шли прямые, какъ по ниточкѣ, узкіе слѣды. Къ открытой водѣ ледъ становился тоньше и снѣгу на немъ меньше, и передъ самой чернотою глубокой воды слѣды обрывались вмѣстѣ съ обломаннымъ ледкомъ; нѣкоторыя льдинки унесло теченіемъ, другія уже смерзлись и приаились къ краю, и одна вмерзла тонкимъ обсосаннымъ ребромъ.

Марту опытный Айрика нащупалъ багромъ на быстринѣ, на мелкомъ мѣстѣ, куда сволокло ее теченіемъ. Потомъ на новой лошади ее привезли домой, и всѣ шесть дней, до похоронъ, въ ея домѣ цѣлую ночь свѣтился за мерзлымъ стекломъ неяркій огонь. Но онъ былъ одинъ на всѣ Медикюли, гдѣ съ восьми часовъ вечера во всѣхъ черныхъ избахъ гасили свѣтъ, и это придавало огню неестественно бодрый и многозначительный характеръ: словно онъ одинъ разговаривалъ, когда все молчитъ.

Но всего удивительнѣе было то, что Марта утопилась зимою, когда гаснетъ всякая любовь.

Леонидъ Андреевъ.

10 декабря 1914 г.

(Собств. журн. «Отечество»).

УБЪЛЕННЫЯ НИВЫ.

Посмотрите на нивы, какъ онѣ
побѣдѣли.

Ев. отъ Іоанна, IV, 35.

Не человѣческимъ плугомъ
Миръ перепаханъ отнынѣ.

На мірской мировщинѣ
Намъ скоро другъ съ другомъ,
Надъ яснымъ лугомъ,
Цѣловаться въ соборной святынѣ.

Вырвано съ глыбою черной
Коренья золь застарѣлыхъ.

Жди всходовъ бѣлыхъ
На нивѣ просторной,
Народъ чудотворный,
Поминаючи вѣрныхъ и смѣлыхъ.

Крѣпко надѣйся, и вѣруй,
Что небывалое будетъ.

Чу, петель будить
Подъ мглою сврой
Уснувшихъ глухо!
Мужайся: не мѣрой
Даетъ Богъ Духа,
И Солнце Земли не забудеть.

Вячеславъ Ивановъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВЪ.

ВЪЧНАЯ ИДЕЯ.

И въ этотъ годъ, годъ торжества апокалиптического звѣрія, челоѳчество не должно и не можетъ вырвать изъ сердца величайшей идеи, которою тысячи лѣтъ держится мѣръ, идеи столь-же эллинской, какъ іудейской, столь-же христіанской, какъ буддѣйской: идеи вѣчности міра въ разнообразіи перевоплощенія.

Различныя формы принимала эта идея на протяженіи вѣковъ. Торжество добра неизмѣнно мыслилось черезъ побѣду зла и спасеніе.

Спасутъ мѣръ отдѣльные праведники, думали мудрецы древности. И Библия рассказываетъ трогательную исторію гибели Содома, когда патріархъ Авраамъ умолялъ Господа пощадить распутный городъ, если въ немъ отыщется сорокъ, тридцать, десять, праведниковъ.

Но не возродили міра отдѣльные праведники, и уставшая душа искала новой формы для религіозной идеи. Не отдѣльные люди, а избранные народы спасутъ и возродятъ мѣръ. И вселенная разбилась на народы, обреченные на гибель, и на народы избранные. Съ фанатической вѣрой отстаивали свое призваніе іудеи. Черезъ вѣка пронесла эту мысль Византія. Съ героическимъ упорствомъ привилегію избраннаго народа создавалъ для себя Римъ. Юное Московское государство мечтало о томъ-же. И «историческая миссія» народовъ у Гегеля и у славянофиловъ питалась той-же идеей античнаго іудейства и умерла въ той-же прелести пророческихъ предсказаній и поэтической разочарованности.

Но и отдѣльные народы не выполнили своей миссіи. И душа создала третью форму для вѣковѣчной идеи: мѣръ спасетъ и возродитъ одинъ классъ, классъ трудящихся.

Черезъ всѣ эти три выраженія основной идеи протекла исторія людей. Была она бурлива, какъ океанъ зимой. Яркая, какъ макъ въ полѣ, и—какъ макъ—красная отъ крови. И не пришла еще вѣчная Пасха, не наступило великое Рождество народовъ.

Такъ, подъ грохотъ тысячъ орудій и подъ стоны миллионовъ людей напоминаетъ намъ о братствѣ настоящее Рождество.

На нашихъ глазахъ рухнула третья форма великой идеи,—возрожденіе народовъ черезъ солидарность трудящихся. И работники Франціи, Англій, Россіи бьются противъ работниковъ Германіи. Въ кровавомъ туманѣ померкла Европа. И вчерашніе братья—сегодня враги безпощадные и безтрепетные... Какъ-будто!.. А, между тѣмъ, иначе чувствуется, когда вдумаешься въ происходящее. Правда жизни—одна. А выраженій ей—много. И, если обманула

челоѳчество форма выраженія идеи,—кто скажетъ, что обманчива идея?

Война идетъ и будетъ идти до конца своего, до побѣды правды, до торжества надъ зломъ. И тогда челоѳчество облегченно вздохнетъ и примется за великій трудъ мирнаго времени, за созиданіе того, что такъ безжалостно разрушалось. Города возстанутъ изъ пепла, и села радостно засмѣются, и поля зазеленѣютъ. Ибо города созданы для людей, чтобы въ нихъ жили; поля—чтобы цвѣсти. Такъ и мысли созданы для вѣчности, такъ какъ умирающихъ идей—не существуетъ. Идея—божественна и вѣчна, недаромъ она рождена богами. И идея возрожденія міра, приближенія его къ правдѣ, съ новой силой воскреснетъ послѣ этой величайшей и ожесточеннѣйшей войны.

Только неумные или очень дурные люди могутъ радоваться тому, что въ огнѣ битвъ забыты на время идеалы братства. Это—временно, какъ временны ураганы, землетрясенія и наводненія. Пронесется,— и зацвѣтаетъ жизнь на старыхъ пепелищахъ.

Таковы и войны, такова и настоящая. Исторія столкнула народы лицомъ къ лицу. Стихія разрушенія, создаваемая правителями Германіи такъ упорно, погрузила мѣръ въ бѣдствія. Мы знаемъ, кто виновникъ всѣхъ бѣдъ. И будущія поколѣнія узнаютъ еще больше и суровымъ словомъ заклеятъ виновниковъ неслыханныхъ ужасовъ, въ которые ввержена Европа. Но исторія запишетъ и то, какъ по окончаніи войны съ удесятеренной силой началась работа надъ воплощеніемъ въ жизнь идеи братства людей и возрожденія міра.

Какія формы приметъ эта идея въ будущемъ—трудно сказать. Что не будетъ она эгоистически-классовой, какъ сузилъ ее Марксъ, обкарнавшій мысль великихъ французовъ,—за это ручается намъ моральная смерть педантичнаго германскаго социализма. Грандіозный опытъ, проѣданный трудящимися Франціи, Бельгіи, Англій и Россіи, научилъ пока одному: механическая спайка рушится столь-же легко, сколь создается. Узы крови и родины болѣе сильны. Не пустой звукъ—«родина», и не бездушно слово «соотечественникъ». И, чтобы доказать справедливость этого, нужна была грандіозная война и грандіозныя жертвы.

Изъ ночи встанетъ Европа. Прекраснымъ и яркимъ будетъ ея возрожденіе. Народы, «распри позабывъ», будутъ стремиться слиться въ одну семью. Ибо непреложны законы дѣйствительнаго для матеріи и для духа—одинаково. И въ четвертую, быть можетъ, послѣднюю фазу вступаетъ великая идея торжества добра и братства людей.

Петръ Яковлевъ.

КЛЯТВА.

Картина Рериха.

РОССИИ.

Все это было такъ недавно:
Боянь отиѣлъ,—и всталъ иной,
Чтобы размѣренно и плавно
Воспѣть печаль страны нѣмой.—

Чтобы не соколы погнались
За лебедями, но сама
Струна летѣла, звуки мчались,
Склякая птица — и пѣла тьма.—

Тебѣ бы пѣть, Боянь, походы —
Чтобы испить прозрачный Донъ,
Какъ ты воспѣвалъ въ былые годы
Призывы дѣдовскихъ временъ!..

Звалъ брата братъ: пойдемъ на стражу,
Пойдемъ испить прозрачный Донъ,—
Намъ птицы ночи путь укажутъ,
Намъ прозвонить ихъ вѣщей стонъ!

О милый братъ, мой конь осѣдланъ,
Мои бойцы ужъ въ стременахъ,—
Чего-жъ намъ ждать? уже сегодня
Измѣримъ вольный путь въ степяхъ!

И видитъ Игорь, — солнце гаснетъ
Въ полуденный и томный часъ,
Но тѣмъ свободнѣй, тѣмъ безстрашнѣй —
Еще одинъ сразится разъ!

Стекайтесь къ морю, копья вражья, —
Идемъ къ пустыннымъ берегамъ:
Намъ солнце тьмой нашъ путь укажетъ —
По вѣщимъ птичьимъ голосамъ.—

Они пошли — и волки выли,
И на щетинахъ ихъ орлы
Усѣлись грозно — и томили
Своимъ рыданьемъ вздохи мглы;

Лисицы пѣли въ изступленьѣ,
И совы знали напередъ, —
Въ какомъ невѣдомомъ сраженьѣ,
И кто навѣрное падетъ.

Но въ смутныхъ снахъ холодной ночи
Четыре солнца вдаль текли,
И пламенно смотрѣли очи —
Туда, гдѣ тучи залегли..

О Русь, ты за холмомъ случайнымъ,
Но къ волнамъ путь открытъ тебѣ —
Ты къ новымъ и завѣтнымъ тайнамъ
Идешь наперекоръ судьбѣ.—

Пусть битвы были раньше страшны,
Теперь завѣщаны страшнѣй;
Пусть солнца жарки погасли
За той безкрайностью степей,—

О Русь, ты за холмомъ случайнымъ!
Твой путь все гнѣвнѣй и темнѣй,
Тебя навѣкъ взманили тайны
Черезъ степи, рѣки — до морей..

Но въ пятницу — еще въ надеждѣ
Томила и разливался бой, —
Ты побѣдила вновь какъ прежде,
Ты снова справилась съ судьбой;

Но въ пятницу — еще надежда
Была съ тобой, — ты разнесла
По степи трупы и одежды,
Ты кровь по водамъ разлила;

Ты дѣвушекъ влачила къ стану,
Ты золото взяла себѣ —
На зло пустынному туману,
На зло надеждѣ и судьбѣ!

О Русь, ты за холмомъ случайнымъ —
Въ какую мглу какихъ путей —
Навѣкъ къ безмѣрнымъ и безкрайнымъ
Предѣламъ роковыхъ степей?

Но въ воскресенье снова битва —
Такихъ не будетъ никогда —
Теперь молись! теперь молитва,
Теперь печаль, теперь страда!

Трава поникла отъ печали,
Иссохли нивы — ночь мутна;
Не молнии затрепетали,
Не тучей грозной даль страшна, —

Ты побѣжденная уходишь,
Взять Игоря въ плѣнь — ты спасена, —
Назадъ домой полки уводишь,
Глухой судьбѣ обречена..

Все это было такъ недавно:
Не Святославу ль снится сонъ,
И грустно плачетъ Ярославна
Среди неуголенныхъ женъ?

Не Святославу ль снится горе,
И ность вѣрная струна —
О морѣ, о раздѣльномъ морѣ,
Гдѣ сила Божья сожжена?

И вѣрить Ярославна чуду,
Зоветь невѣрнаго домой:
Иные сны и ночи будутъ
Томить подъ кровлею родной —

И не въ объятяхъ, не въ привѣтахъ!..
Настала ли невозможный часъ —
Свершить послѣдніе завѣты:
Сразиться — но въ послѣдній разъ!

Тамъ за степями, за лѣсами,
За молніями всѣхъ ночей —
Пройти безслѣдными путями
Навстрѣчу роковыхъ морей!

Пусть Святославъ не вѣрять встрѣчѣ,
Пусть Ярославна ждетъ домой, —
Неистовыя — Божьи сбѣчи
Намъ гнѣвной суждены судьбой:

Испить моря — узнать безкрайность
Еще таинственныхъ морей, —
О Игорь, не одна случайность
Быль твой походъ во мглахъ степеней.

Гдѣ солнце тмилось, волки были,
Лисицы пѣли подъ грозой, —
Но гдѣ орлы тоской томили —
И звали въ запредѣльный бой!

Вл. Бестужевъ.

Рис. М. В. Добужинскаго.

УТРОМЪ.

(Собств. журн. «Отечество»).

АЛЕКСѢЙ РЕНИЗОВЪ.

РОССІЯ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

— Про наши бои почитай газетку!
— Почитай газету этихъ чиселъ и узнаешь!

— Оно вѣрно, по газетѣ все тебѣ, какъ на солнышкѣ видно. Но одного никогда не увидишь — страднаго сердца.

— А было такъ: въ Ильинъ день нынче русской народъ по суду Божію поднялся съ земли родной и пошелъ въ огонь. И съ того часа огненная пустыня — мать пустыня — открылась душѣ народа и взяла его волю.

Пустыня вѣщала:
«Горько во мнѣ жити,
«Здѣсь всегда быть должно
«Въ постѣ и молитвѣ...

«ОМІЛІЯ НЕ НАДО»

письмо ефимово.

И съ того суднаго часа русской народъ — трудникъ — горитъ единымъ сердцемъ.

Не узнать изъ газетки и про Степана Иваныча — фамиліи не надо... какъ послалъ его Богъ встрѣчу раненому.

Рана моя благодаря Бога легкая: лѣвой руки палець указательный — на чуть-держится. Когда меня ранили, я бѣжалъ назадъ, чтобы перевязать рану. Очень было опасно: въ саженьхъ въ пяти отъ меня рвутся снаряды и кругомъ вездѣ, что пчелы, воютъ пули ружейныя. Но пули были мнѣ не страшны, а страшно было, какъ рвались возлѣ меня снаряды съ тяжелыхъ ихнихъ орудій, но я въ тое время

падалъ на землю на чистомъ полѣ, и осколки отъ снарядовъ между мной летѣли со звизгомъ, со стономъ. Но я въ тое время все падалъ внизъ лицомъ, — и лежишь и ожидаешь въ эту ужасную минуту, что когда мое тѣло подниметъ на воздухъ и растерзаетъ на куски. Даже земля дрожитъ, какъ она рвется, въ сажень яму сдѣлаетъ. Но благодаря Бога отбѣжалъ отъ этого ужаснаго мѣста, перевязали меня, а то было оболтано твоимъ носовымъ платкомъ, — у васъ навѣрно было дадено Настѣ — у меня былъ взять съ собой, и смочилъ его весь кровью. Когда отошелъ верстъ десять, встрѣтилъ земляковъ, — вѣдетъ паркъ, — и увидѣлъ Степана Иванова и Кривскихъ двухъ. Поздоровались съ нимъ, поговорили. Степа спросилъ: «Есть ли у тебя деньги? Я сказалъ, что нѣту ни копѣйки за душой. Онъ взялъ рубль, далъ мнѣ. Покурили Дунаева табаку вмѣстѣ съ нимъ, — который намъ присланъ со Старой Руссы въ подарокъ и мы его успѣли раздѣлить передъ боемъ, восьмьюшку на двоихъ. Онъ спросилъ у меня: «Куда раненъ? Я сказалъ. Попрощались и пошли.

— А писать это Ефимъ Алексѣевъ — фамилии не надо... народъ русской.

Раненый подъ Варшавой, — лѣвой руки палецъ указательный на чуть-держится, — выйдетъ Ефимъ изъ госпиталя и опять на позицію въ огонь.

Помилуетъ его Богъ? Помилуетъ... и пусть на чистомъ полѣ рвутся снаряды и кругомъ вездѣ, что пчелы, воютъ пули, и пусть осколки отъ снарядовъ летать со звизгомъ, со стономъ, вѣрую, помилуетъ — за терпѣние, за его трудъ, за слово.

1.

24-го августа 1914-го г.

Дорогая сестра Ксенья и Настя, здалеко шлю вамъ сердечной поклонъ отъ извѣснаго брата вашего Ефима Алексѣева и желаю вамъ быть здоровымъ отъ Господа Бога.

Дорогая сестра Ксенья, сердечно ото всей души благодарю васъ за ваша письмо, которое вами писано 29-го числа іюля, я получилъ его 24-го августа.

Дорогая сестра Ксенья, я его получилъ, занемши былъ окопы копать, и взялъ началъ читать

. Стала очень скучна. До сего время писемъ я не получалъ з дома, кроме Варинаго одного письма. Сталъ такъ думать, что вероятно мне и не придется писменно и поговорить з домашнимъ и бросилъ имъ писать. И самъ не сталъ писать домой. Послано до 24-го авгу. писемъ 15-ть, а отъ нихъ нету. Даже обижаюсь на нихъ: люди получаютъ, а я нетъ! Ближнии с одной дер[евни] все получили, а мне нетъ! Со мной с Крп[и]ска 2-е — Парфенов Андрей, Вася Куз., со Скропцова 2-е да съ Беляевщ. 3 — Егоръ Ермал, Гвырини и я.

Ксенья, кланся отъ меня Варя, И. Ф., Поля, Нюши, Устинья, Яши, Гриши, Ильюши и желаю быть здоровымъ. Нюша (м) и Поля, мой советъ къ вамъ, если Богъ не помилуетъ меня, живите вмѣстѣ съ моей женой Настей и не оставте дочь Главдю, живите болше въ деревни, но въ прочемъ, какъ желанте.

Варя мне писала на счетъ денегъ — мне прислать, я ей писалъ, спрости у ней, но все-таки, Ксенья с Настей, пришлите немного денегъ, хотя 2 или 3 руб., если на почте примутъ, спрости у нихъ. Хотя, если меня и не будит, такъ ихъ получите обратно.

Ксенья, писать некогда болше: копаемъ окопы, приготавлиаемся къ бою на дняхъ этихъ съ 24-го, — чемъ Господь намъ поможетъ! Прощайте, дорогие сестры Ксенья и Настя, такше Поля и Нюша.

Ксенья, опиши домой, что я до 24 (іюль) авгус. не получалъ отъ нихъ отвѣта на мои письма и передай по-

(Перепечатка воспрещается).

Рис. М. В. Добужинского.

нискому поклону.

Ксенья, хотя долго я от васъ ждалъ письма, но я теперь могу и въ бой ити, все-таки хотя от сестры получил! Прощай, дорогая Ксенья и братъ Яша, не оставте дочь Главдю.

Опиши, что тебе з дома пишут.

2.

16-го октября 1914-го г.

Сердечно кланяюсь дорогимъ сестрицамъ Ксепіи Алексѣевне и Настасіи Алексѣевне отъ брата Вашего Ефима Алексѣева, и желаю вамъ быть здоровымъ отъ Г[оспода] Бога Вашей жизни. Во-вторыхъ, извѣщаю об своемъ здоровьѣ, что я благодаря Бога живъ-здоровъ, чего и вамъ желаемъ. Затемъ, дорогие сестры, извѣщаю, что меня ранили 11-го числа октябр. Рана моя благодаря Бога лекая: левой руки палецъ указательный — на чуть-держится.

Ксенья, про наши бои почитай газетку.

27-го сентября и по 6-е окт. — 10 дней дрались день и ночь под Варшавой, затемъ изъ этихъ 10 дней и я 3 дня участвовалъ въ бою, но Господь помиловалъ. Затемъ онъ отступилъ отъ города, а мы ему вслѣдъ направили, и произошло бой 11-го окт. 12 и 13-го, тутъ онъ понесъ болшыя урны.

Почитай газетку этихъ чиселъ и узнаешь.

Когда онъ отступилъ и мы пошли томъ местомъ, гдѣ происходилъ бой, было не пройти, сколько труповъ лежало: ихнихъ и нашихъ (есть), даже ужось беретъ, — вездѣ куски мертвыхъ тѣлъ.

Когда меня ранили, я бежалъ назадъ, чтобы перевязать руку. Очень было опасно: въ сажняхъ въ 5-ти отъ

меня рвутся снаряды и кругомъ вездѣ, что пчолы, воють пули ружейные. Но пули были мне не страшны, а страшило было, какъ рвались возле меня снаряды с тяжелыхъ ихнихъ орудій, но я въ тое время падалъ на землю на чистомъ полѣ и осколки отъ снарядовъ между (мен) мной летели со звизгомъ, со стономъ. Но я въ тое время все падалъ внизъ лицомъ,—и лежишь и ожидаешь въ эту ужасную минуту, что когда мое тело подниметь на воздухъ и растерзаетъ на куски. Даже земля разорвется, какъ она разорвется, въ сажень яму зделаетъ. Но благодаря Бога отъбежалъ отъ этого ужаснаго мѣста, перевязали меня, а то было обмотано твоимъ носовымъ платкомъ,—у васъ наверно было дадено Насти,—у меня былъ взятъ [съ] собой, и смочилъ его весь кровью. Когда отошолъ верстъ десять, встретилъ земляковъ,—(едутъ) едетъ паркъ,—и увидалъ Степана Иванова и Кривскихъ 2-хъ. Поздоровались с нимъ, поговорили. Степа спросилъ:

— Ес-ли у тебя деньги?

Я сказалъ, что пету ни копейки за душой.

Онъ взялъ 1 руб., далъ мне. Покурили Дунаева табаку въместяхъ с нимъ,—который намъ прислалъ со Старой Русы въ подарокъ, и мы его успели разделить перед боемъ, восмушку на двоихъ. Онъ спросилъ у меня:

— Куда раненъ?

Я сказалъ. Попрощались и пошли.

Затемъ Егоръ Ермалаевъ тоже раненъ в одинъ день, но (меня ранили) онъ остался въ строю. Но черезъ 2 дня насъ собралась Варшавы около 200-сотъ раненыхъ разныхъ полковъ, и я въ числѣ этихъ людей нашолъ Егора Ерм. Поздоровались с нимъ: я даю ему правую руку здоровую, а онъ мне даетъ левую здоровую. Я ему сказалъ, что у насъ какъ неловко! У него правая рука ранена въ ладонь.

Ксенья, Господь ведаеть, можетъ быть, по выздоровленіи моего палца опять побдимъ на позицію, если продлится война. Но все-таки Богъ ведаеть, будить камісія и месяца 3 придется лечится.

А я просился въ Питербургъ лечится, Адрисъ пишеть: городъ Слонимъ Гродницкой губ. запасной (гост) госпиталь, получ. м. у-о. Е. Ал.

Ксенья, если у Вари не послано денги, то пошли ихъ сюда, я не получалъ ихъ. Прощайте, дорогая, сряду пишете ответъ.

3.

22 дня октября
1914 г.

Сердечно кланяюсь жаркимъ поклономъ дорогимъ сестрицамъ Ксеніи Алексѣевне и Настасіи Алексѣевне отъ известного брата вашего Ефима Алексѣевича и желаю вамъ быть здоровымъ отъ Господа Бога, не только въ этотъ годъ, но в продолженіе многихъ летъ жили бы в обычной дѣятельности и находили бы въ этомъ ваше счастье. З дома я не получалъ здесь писемъ, а имъ писалъ.

Дорогіе сестрицы, передайтѣ мои душевные поклоны свояченицамъ—Поли, Нюши, Вари и Ивану Федор. Затемъ, дорогіе сестрицы, извещаю, что я съво письма остаюсь живъ-здоровъ, чего сердечно и вамъ желаю. Извещаю вамъ, что я посылаю вамъ эта 4-я письмо, какъ ранили меня съ 11 октября. Раненъ левой руки палецъ указательной—на чуть-держится.

Прошу васъ, дорогіе сестры и свояченицы—Поли и Нюша, приплитѣ хотя по 50 к. денжонокъ, соберите

въместѣ и вышлитѣ хотя немного

Ксенья, съходи къ Вари, можетъ, и она дастъ, но не говори, что я просилъ. Я просилъ тоже з дома Насти, жене мосѣ, но не знаю, прилетѣть или нетъ. Когда я былъ на позиціи, тогда она совсемъ мне не нужны были: у кого и были денги, такъ купить тамъ нечего—все города, села, деревни разрушены, даже восмушки табаку было не найти купить за рубль. Я теперь лежу въ госпитали,

Благодаря Бога ишолъ я раненый и встретилъ на пути Степана Иванова, онъ далъ мне одинъ рубль денегъ, а то не было ни одной копейки.

Ксенья, у насъ, какъ ты писала, что Вари дадено 3 руб. послать мне, благодарю васъ, но денги я эти не получалъ. Но ты не бойся, эти денги получимъ, она обратно придутъ, только не теряй кадрамарку. Потомъ я писалъ волномъ письме вамъ, чтобы прислала 1-нъ фунтъ табаку, это когда я былъ на позиціи, если послано, то тоже обратню придетъ,—не должно потеряться!

Затемъ, Ксенья с Настей и свояченицы, у насъ люди здѣсь чужые и то приходятъ въ лазаретъ (и дарятъ по булки въ 3 коп., а другіе принесутъ папирсъ и оделяютъ всехъ раниныхъ,

да и некому гарась здѣсь делить-го, потому что городъ Слонимъ плохой и живутъ наголимые евреи. Но я прошу, такъ какъ вы родные сестры, а я братъ вацъ, хотя, можетъ быть, я и худо вамъ делалъ дома но все-таки у меня въ эта ужасное время есть большое сожаленіе къ вамъ и вы должны тоже иметь сожаленіе къ своему родному брату. Я смотрю, какъ мы отправлялись съ поѣзда въ лазаретъ, и шли этимъ городомъ, а другіхъ везли тяжело-раненыхъ, и встречаются с нами публика из городскихъ жителей и деревенскихъ и очень гарась плакали, глядя на насъ, я даже самъ не могъ стерпеть, заплакал. Такъ вы, сестры и свояченицы—Поли и Нюша, не пожалейте какого-нибудь полтинника для меня. Знайтѣ, въ нашей жисти (я) намъ приходилась во время своего похода согинные предметы и не нужно было намъ, такъ же и въ тое время и денги, а теперь, когда надо, такъ ихъ нету. А можетъ быть, и опять придется такъ жить, если война продлится.

Ксенья, сюда придутъ скоро, не будутъ путатся денги ваши. Отъ насъ много назначаютъ, раненыхъ въ Москву, такъ если меня по раны глядя, назначутъ, ихъ отошлютъ въ Москву, а нетъ, обратно вамъ. Я и оттуда тоже сряду же опишу. Но хотя и назначутъ меня, я вамъ сообщу и оттуда адрисъ, а можетъ быть, и здѣсь буду лежать, все-таки пришлите сюда.

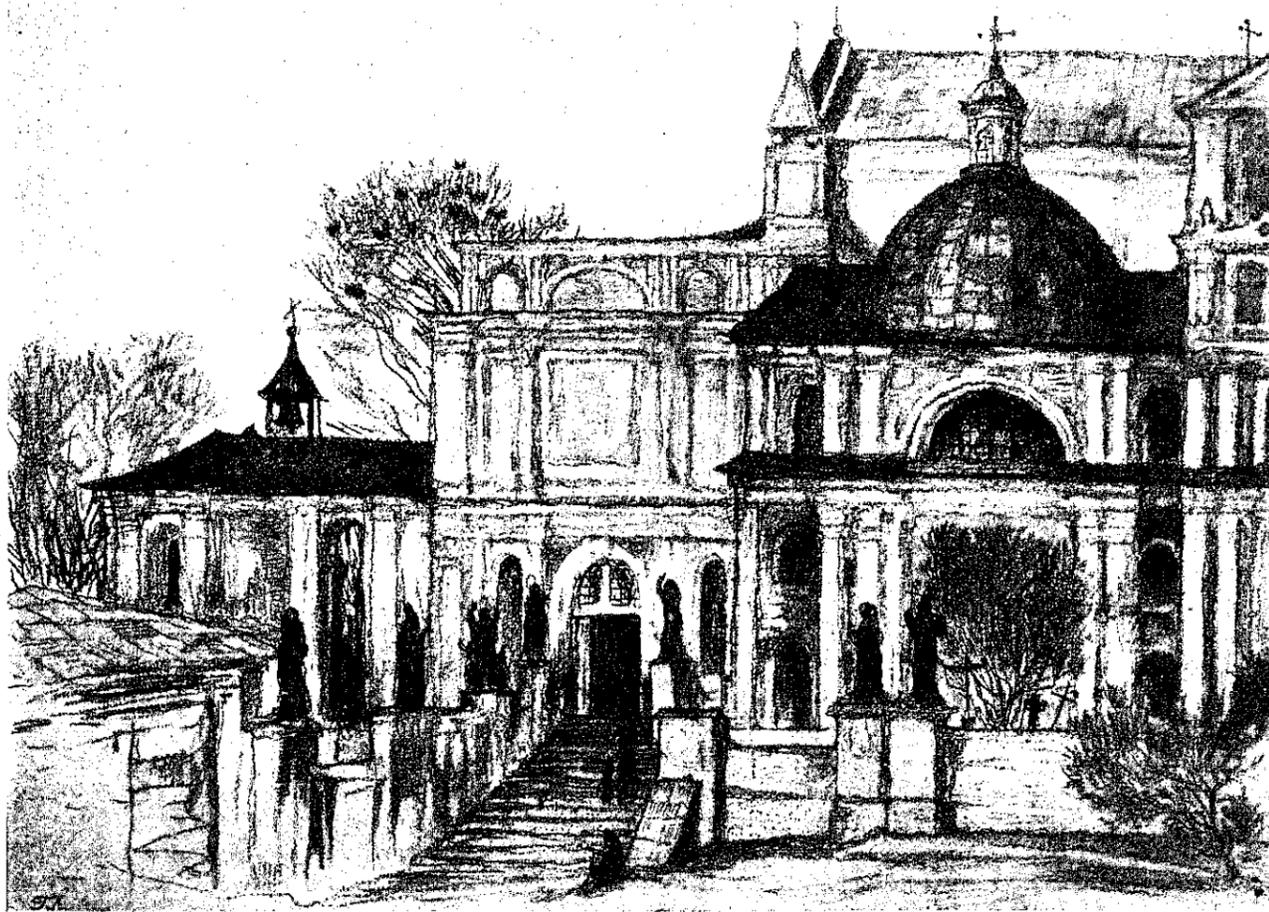
Ксенья, я очень скучаю. Сидишь другой расъ у окна, гляжу, люди разгуливаются.

«А ты тамъ былъ въ опасности и (я) под неволей, и здѣсь никуда нельзя выти,—»

Но Господь ведатюъ. Дай Господи скорей покорить врага, и все пройдетъ и зделаетъ замиреніе,

Ксенья, я въ этомъ письме не описуу, во что я раненъ, я в прочихъ письмахъ писалъ вамъ. Адрисъ: городъ Слонимъ Гродницкой губ. запасной госпиталь получ. м. унт.-оф. Е. Алек., еомидія не надо.

Ксенья, продлится война, такъ мне еще придется видать ту страску, которую я перенесъ, не знаю, будетъ такъ на большую сиду, что останусъ, но все-таки это дело будить не скоро. Прощайте, сижу одинъ возле чужого народа,—былъ одинъ землякъ с Клевицъ и того назначили въ Москву, остался одинъ. Затемъ прощайте, целую васъ заочно ото всей души.

ЯРОСЛАВЪ. У ПРИХОДСКОЙ ЦЕРКВИ.

НА ОЗЕРѢ.

(РАЗСКАЗЪ).

ДѢДЪ въ лѣсной избѣ варилъ кашу и ворчалъ. — Теткину курицу за хвостъ! Шалый парень знай въ небо глядѣть... Нарубилъ вотъ трескучихъ еловыхъ дровъ, того гляди углями всѣ глаза выбьетъ...

И оглядывался въ открытую дверь. За дверью въ лунномъ пространствѣ, изрѣзанномъ тѣнями, на пѣчѣ чернѣла неподвижная фигура.

— Брось, поди-ко чамкать кашу! закричалъ, откашливаясь въ дыму дѣдъ-лѣсорубъ. Фигура за дверями не шевелилась. — Поди говорю, лови-тя утку, слопаю кашу одинъ, будутъ тебѣ ночью цыганы сниться.

Фигура неохотно задвигалась и вышла въ избу.

— Ну што подсмотрѣлъ на озерѣ? спросилъ старикъ. Простоватый, широкоплечій парень, съ бѣлымъ на правомъ глазу, отвѣтилъ:

— Не знаю, дѣдъ Степа, мнѣ вотъ иной разъ такое кажется, что говорить другимъ не охота.

— Да што теперь наглядѣлъ?

— А, чудно дѣло! тамъ, гдѣ щелопы *) за озеромъ, бабы-ли дѣвки-ли пѣсни поютъ.

— Пѣсни? въ эту пору здѣсь не одному тебѣ такое врется... На Рождествѣ, да на святкахъ. Поужинали помолчали, старикъ закурилъ трубку и продолжалъ:— шесть десятковъ лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, лѣсъ рубилъ, гдѣ ни попало, а чуднѣ этого мѣста во всемъ суземѣ нѣтъ... Можетъ отъ того, што вода въ немъ не мерзнетъ, какіе-нибудь ключи шулькаютъ, да туманы всякіе идутъ, а вѣрь ты, парень тому, што руками угрabalъ—глазамъ да слуху вѣры поменѣ давай...

*) Щелопы—холмы.

Я вотъ оглохъ, а съ молоду здѣсь слыхалъ тоже, какъ озеро поетъ. Што поютъ-то?

— Наши деревенскія пѣсни... бабъ я видалъ за озеромъ... отвѣтилъ парень.

Старикъ, залѣзая на нары, строго сказалъ:

— Ты, Ивашка, лови-тя за шапку, не удумай плыть на пѣсни... Лѣсныя озера таковы—съ берега другой берегъ рукой подать, а выѣхалъ и видишь, што въ полъ дня до мѣста не доберешься. Время студеное, одежонка на тебѣ—кафтанъ, замерзнешь, и тебѣ убытокъ и мое дѣло станетъ... Было разъ со мной—одинъ тоже какъ и ты лѣсорубъ поѣхалъ на тѣ пѣсни, да и по се дни вѣдитъ.

— Эхъ, дѣдъ Степа! Кабы шубенка у меня—теперь-бы взялъ да и поѣхалъ на пѣсни...

— Вотъ, вотъ... иные люди есть, што гуси—запахнетъ ему зимой травой да рыжикомъ, онъ и летитъ въ ту сторону, а тамъ былъ ледъ, ледъ и остался... ты изъ такихъ: все по звѣздамъ мекаешь, а што по нимъ узнать можно?—разъ про морозъ... Добровольцемъ не взяли—косилъ глаза да бѣльмо—дѣвки смѣются дуры, а парень ты куда годись... ужо вотъ свалимъ лѣсъ, вывеземъ, деньги получимъ, одежу заведешь, и все по ладному будетъ...

Старикъ скоро началъ всхрапывать. Парень посидѣлъ, не раздѣваясь у каменки, потомъ вышелъ и притворилъ дверь избы.

— Всякъ своего ищетъ... тѣ лѣсорубы на пѣсни вѣхали, а я трехъ дѣвокъ видалъ.

Поплотнѣ на уши надвинулъ Ивашка шапку и спустился на берегъ озера.

Лодка стояла обледеневшая, примерзшая къ серебрястой заберегѣ-льдинѣ.

Ивашка весломъ сколомъ ледъ и двинулъ лодку въ черную воду.—Сиди такъ-то въ деревнѣ... скушно... говорятъ есть у нехристей какихъ-то щелоны до неба—вотъ туда-бы... эхъ, туда-бы!

— Ну-ко ты, тяжелѣнная! прицалегъ Ивашка на весла—вонъ къ тѣмъ щелопамъ, ншь свѣтятся, тамо лѣсъ выше всего... можетъ живутъ въ тѣхъ щелопахъ скрытницы? Коли наши пѣсни поютъ, то мірскаго человѣка примутъ...

Выѣхалъ Ивашка на ширину озера, и правда, какъ старикъ говорилъ,—береговъ не видно. Мутно-сизый отъ луннаго свѣта по всему озеру туманъ плавать, но Ивашка знаетъ, куда грести.—Туманъ лежалъ ниже лѣса, обступившаго со всѣхъ сторонъ озеро, а на дальнемъ берегу на двухъ обледенѣлыхъ холмахъ блестя двѣ искристо-бѣлыя елки.

Ивашка гребъ, а въ голояѣ вертѣлись слова дѣда Степа, «думаешь тутъ онъ берегъ, а полъ дня прогребешь»... Парень еще сильнѣе заработалъ веслами...

Вотъ затрещали вдоль берега потревоженные, тонкія забереги-льдины, лодка уперлась въ твердое, Ивашка направилъ ее въ бухту межъ холмовъ, и огибая лѣсистыя холмы, присматривался—туда-ли? туда... слава Богу...

Въ глубинѣ бухты, у подножья высокаго холма стоитъ ель, еще болѣе бѣлая и серебристая, чѣмъ видимыя съ озера—ели на холмахъ. Тамъ около ели пляшутъ, поютъ, но кто, парню не видно изъ-за вѣтра и выюги...

— Заколѣлъ я...—подумалъ Ивашка,—теперь-то наглажусь на нихъ...

Онъ всталъ на дно лодки и плыль стоя... Завылъ вѣтеръ, кольцо бѣлое выюги скрыло отъ глазъ хороводъ и бѣлую ель въ глубинѣ щелоновъ. Ивашка развѣхался носомъ лодки въ берегъ и чуть не упалъ, а изъ снѣжнаго облака засмѣялись трескучимъ смѣхомъ.

— Ха, ха! по уточки къ берегу присталъ—женихъ.

— У-у-у! Какой женихъ, онъ лѣсорубъ...

— Тащи его въ хороводъ, закружимъ!

— Застудимъ!

Ивашкѣ почудилось, что холодныя руки схватили за руки и за рукава кафтана.

— Я еще не рубилъ лѣсу... прошепталъ Ивашка, а голоса трещали и звѣдали.

— Дѣвы! посадимъ его на лавку...

— На ледяную лавку... почествуемъ!

Завылъ вѣтеръ, и снова закружился хороводъ бѣлыхъ. Ивашка ощущалъ только чужія холодныя руки, слышалъ голоса, и лишь на мигъ, когда пританлась выюга, увидалъ недалеко отъ берега рослую дѣвку, въ серебряномъ кокошникѣ, въ синемъ ярко звѣющемъ сарафанѣ... она улыбнулась ему и поманила его на берегъ.

Ивашка хотѣлъ спросить ея имя, но все снова закружилось въ бѣломъ вихрѣ.

— А на берегъ я не выѣзу... шубнаго не надѣлъ—упляшешься до смерти... лѣсорубовъ не любятъ, да я какой лѣсорубъ—первый разъ только... думалъ Ивашка, норовя выбраться изъ бухты, а въ слѣдъ ему затрещалъ, какъ трещать ледяныя забереги, смѣхъ.

— Эй, женихъ! Мы тебѣ зеньчуга покажемъ, камняя дорогіе...

— Эй, гдѣ ты?

— Ужо шубное заведу—вернусь... думаетъ онъ.

Тихонько колышется лодка посреди озера. Голова у Ивашки виситъ за бортомъ, смотритъ онъ въ озеро, а въ

водѣ отъ черныхъ стѣвъ вѣковаго лѣса черно, черно, лишь мѣстами расплываются отраженные въ черномъ свѣтлые льды на деревняхъ.

Близко гдѣ-то, неумѣло летѣть филинъ, и кажется Ивашкѣ, что сидитъ онъ надъ водой на суку, оттого его лай идетъ будто-бы изъ воды—надо скорѣе...

Ивашка потянулся за весломъ, да руки весла не держеть, окончили, а филинъ совсѣмъ близко летѣть.

— Неужли моей смерти ждешь?

Подумалъ Ивашка со страхомъ и въ отчаяніи закричалъ лѣсорубъ: «По-о-мо-ги»... что-то кракнуло на озерѣ и снова залаялъ филинъ. «Степ-ка-а! Стари-и-къ!» еще разъ прокричалъ парень, хотя вспомнилъ тутъ-же, что старикъ глухой. Вспомнилъ привычки лѣса—до зари не проснется. На зарѣ выйдетъ изъ избы, закуритъ трубку, покрестится на зарю,—глухой... «Замерзну я».

Ивашка сунулся на дно лодки, легъ на спину, положилъ обѣ руки за пазуху и поглядѣлъ на мѣсяцъ—дитенкомъ былъ, также глядѣлъ и со звѣздами разговоры говорилъ...

Ивашкѣ стало тепло и потянуло заговорить съ мѣсяцемъ—ты куда идешь, эй, мѣсяцъ? И мысленно Ивашка получилъ отвѣтъ:

— Иду, паренекъ, Христославамъ на стрѣту...

Къ утру прибило вѣтромъ лодку.

На берегу увидалъ парня старикъ, подхватилъ подъ руки, повелъ въ избу и говорилъ:

— Не плавай, лови-тя утку, за пѣснями: што глазами полюбилъ, часто омань, а ты вѣрь тому, коли руками уграбаешь... ну, ништо! лишь-бы лапы цѣлы остались—вся дурь выскочить, какъ почнемъ отъ бревна щепу гонить.

— И не знаю я, дѣдъ Степа—какъ быть... Вишь, онѣ лѣсорубовъ не любятъ... шубу справлю побѣду искать ихъ... одну близко видалъ—въ зеньчугахъ вся, въ кокошникѣ... сонно отвѣтилъ Ивашка.

А. Чалыгинъ.

Какой я былъ беспильный!
Никому я не могъ помочь.
На меня тоской могильной
Вѣяла лютая ночь.

Я вышелъ въ ратное поле,
Сражаюсь за святую Русь.
Вся жизнь моя въ Божьей волѣ,
И я ничего не боюсь.

Въ ратномъ полѣ не боится
Тѣло мое трудныхъ дней,
И у сердца не гнѣздится,
Не томить его тихій змѣй.

Что мнѣ Господь ни судить,
Умру-ли, домой-ли вернусь,
Сердце мое биться будетъ
Любовью къ тебѣ, моя Русь.

6 декабря 1914 года.

Федоръ Сологубъ.

* * *

Подошла я къ сосновому лѣсу.
Жаръ великъ, да и путь не короткій.
Отодвинулъ дверную завѣсу,
Вышелъ сѣденькій, свѣтлый и кроткій.

Поглядѣвъ на меня прозорливецъ
И промолвилъ: Христова новѣста,
Не завидуй удачѣ счастливицъ —
Тамъ тебѣ уготовлено мѣсто.

Позабудь о родительскомъ домѣ,
Уподобься небесному крину,
Будешь хворая спать на соломѣ
И блаженную примешь кончину.

Вѣрно слышалъ свититель изъ кельи,
Какъ я пѣла обратной дорогой
О моемъ несказанномъ весельи,
И дивясь и радуясь много.

1914.

Анна Ахматова.

* * *

Ты говоришь, что я дремлю.
Ты униженно хохочешь
И ты меня заставишь хочешь
Сто разъ произнести «люблю»!

Твой южный голосъ томень. Стань
Напоминаетъ стань газели,
А я пришелъ къ тебѣ изъ странъ.
Гдѣ вѣчный снѣгъ и вой мятели.

Мнѣ страненъ вальса легкій звонъ,
И душный облакъ надъ тобою.
Ты для меня—прекрасный сонъ,
Сквозящій пылью снѣговойю.

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачѣмъ мнѣ имя?
Дай мнѣ тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блескъ, забытый мной.
Напоминающій напрасно
День улетѣвшій, день прекрасный,
Убитый ночью снѣговойю.

Александръ Блокъ.

СУДЬБА, ВЗЯТАЯ ЗА РОГА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ одной изъ зимнихъ странъ (а зимними странами мы называемъ такія, гдѣ снѣгъ достигаетъ толщины полутора аршинъ), луна три ночи подрядъ была окружена двойнымъ оранжевымъ ореоломъ, — явление, сопутствующее сильнымъ морозамъ. Дѣйствительно, морозъ установился такой, что снѣгъ Колленъ то и дѣло снималъ съ замерзшихъ рѣсницъ густой иней. Колленъ ничего не видѣлъ, по иней мѣшалъ нестерпимой привычкѣ мигать — что, будучи нынѣ единственной жизнью глазныхъ орбитъ, нѣсколько разсѣивало тяжкое угнетеніе. Онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, что другіе, благодаря миганію, и — вышше-здоровому виду глазъ, не сразу угадываютъ снѣга.

Колленъ и его пріятель Делаванъ вѣхали въ крѣпкихъ савяхъ по рѣкѣ Гай, направляясь отъ желѣзнодорожной станціи къ городку Б. Этотъ Б. лежалъ на устьѣ Гая, при впаденіи рѣки въ море. Жена Коллена, пріѣхавъ въ Б. дней пять назадъ, ожидала здѣсь мужа, уведомленнаго телеграммой. Съѣхаться здѣсь они условились полгода назадъ, когда Колленъ не былъ еще снѣгомъ, и отправлялся въ злосчастную геологическую экскурсію безъ всякихъ предчувствій.

— Намъ осталось два перегона; — сказалъ Делаванъ, растирая изгрызенную морозомъ щеку.

— Не снѣдовало мнѣ тлуть васъ въ эту повѣзку, — началъ въ сотый разъ извиняться Колленъ; — вотъ ужъ, подлинно, снѣпой агонізмъ съ моей стороны. Въ концѣ концовъ, я могъ бы великодушно вѣхать одинъ.

— Да — зрячій, — возразилъ Делаванъ. — Нѣтъ, я долженъ доставить васъ аккуратно и сдать съ рукъ на руки. Къ тому же...

Онъ хотѣлъ сказать, что ему пріятна эта прогулка въ царственно пышныхъ снѣгахъ, но, вспомнивъ, что такое замѣчаніе относилось къ зрѣнію — промолчалъ.

Морозный пейзажъ, дѣйствительно, производилъ впечатлѣніе. Идеально бѣлыя равнины, въ голубомъ свѣтѣ луны, подъ чернымъ небомъ — холодно, по зимнему, звѣзднымъ, молчащимъ небомъ; неотстающая черная тѣнь лошади, прыгающая подъ ея брюхомъ, и ясная кривая горизонта давали что-то отъ вѣчности.

Боязнь показаться подозрительнымъ, «какъ всѣ снѣжные», помѣшала Коллену спросить о недоговоренномъ. Впрочемъ, недалекая уже встрѣча съ женой сильно волновала его, поглощая почти всѣ мысли, и толкая говорить о томъ, что неотвратимо.

— Лучше, если бы я умеръ на мѣстѣ, сію минуту, — искренно сказалъ онъ, заканчивая этимъ печальнымъ выводомъ цѣль соображеній и упрековъ себѣ. — Подумайте, Делаванъ, каково будетъ ей. Молодая, совсѣмъ молодая женщина и траурный, снѣпой мужъ! Я знаю, начнутся заботы... А жизнь превратится въ сплошной подвигъ самоотреченія. Хуже всего — привычка. Я могу привыкнуть къ этому, убѣдиться, въ концѣ концовъ, что такъ и нужно, чтобы молодое, гармонически развитое существо жило только ради всевозможныхъ удобствъ калѣки...

— Вы клеветаете на жену, Колленъ, — воскликнулъ не совсѣмъ натурально Делаванъ; — развѣ она будетъ думать такъ, какъ сейчасъ — вы?!

— Нѣтъ, но она будетъ чувствовать себя не совсѣмъ хорошо. Я знаю, — прибавилъ, помолчавъ, Колленъ, — что я, рано или поздно, буду ей въ тягость... только едва ли она сознается передъ собой въ этомъ...

— Вы дѣлаетесь опаснымъ маниакомъ, — шуточно перебилъ Делаванъ. — Если бы она не знала, что стряслось съ вами — пожалуй, я допустилъ бы не совсѣмъ пріятную первую, вторую недѣлю.

Колленъ промолчалъ. Жена его не знала, что онъ снѣгъ; онъ не писалъ ей объ этомъ.

II.

Въ сердцѣ іюля прошлаго лѣта, изслѣдуя пустынную горную рѣчку, Колленъ былъ застигнутъ грозой. Онъ и его спутники торопились къ палаткѣ. Хлесткій, проливной дождь размывалъ землю; окрестность, въ темномъ плащѣ грозовой тѣни, казалась міромъ, для котораго навсегда погасло солнце; тяжкая пальба грома врывала тучи огненными кустами молній; мгновенныя, сверкающія разбѣгленія ихъ падали въ лѣсъ и за горизонтъ. Гроза была очень близка къ Коллену, межъ небесными вспышками и громовыми раскатами почти не было паузы. Молнии блистали такъ часто, что деревья, непрерывно выхватываемые изъ сумрака мрачнымъ ихъ свѣтомъ, казались—неудержимо подкакивающъ, пугаясь и трепеща.

Колленъ не успѣлъ, да и не могъ успѣть запечатлѣть памягью тогъ ударъ молнии въ дерево, послѣ котораго и дерево и онъ свалились на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Онъ очулся въ глубокой тѣмѣ, слѣпой, съ обожженными плечомъ и голенью. Сознаніе слѣпоты утвердилось только на третій день, духъ Коллена упорно боролся съ нимъ, пугаясь той безнадежности, къ которой вело это окончательное убѣжденіе въ слѣпотѣ. Врачи усердно и бесполезно возились съ нимъ; той первой слѣпоты, что поразила Коллена, имъ не удалось одолѣть; все же они оставили ему нѣкоторую надежду на то, что онъ можетъ выздороветь, что такъ бывало, что зрительный аппаратъ и нервы цѣлы, и лишь остановились въ дѣйствіи, какъ нѣкій механизмъ, обладающій для работы всѣми необходимыми частями. Написать жеиѣ о томъ, что произошло—было выше силъ Коллена; отчаявшись въ докторахъ, онъ упрямо, сосредоточенно, страстно ждалъ, — какъ приговоренный къ смерти ожидаетъ помилованія—ждалъ свѣта. Но свѣтъ не загорался. Колленъ рассчитывалъ на чудо, какъ мы рассчитываемъ на приходъ гостя или прибавку къ жалованью; въ его положеніи чудо было столь же естественной необходимостью, какъ для насъ—вѣра въ свои силы или способности. Единственное, въ чемъ измѣнились его письма къ жеиѣ—это въ томъ, что они были писаны на машинкѣ. Однако, ко дню встрѣчи онъ приготовилъ рѣшительное, характерное живучестью человѣческихъ надеждъ: убить себя въ самый послѣдній моментъ, когда не будетъ уже никакихъ сомнѣній, что ударъ судьбы не пощадитъ и Анну, когда она будетъ стоять передъ нимъ, а онъ ее не увидитъ. Это явилось точкой, предвѣдомъ тягостныхъ ожиданій. Делаванъ не былъ посвященъ во все это.

III.

Когда Колленъ пріѣхалъ въ Б. и вошелъ въ комнату, гдѣ скоро долженъ былъ зазвучать голосъ Анны, еще не вернувшейся изъ магазина; Делаванъ ушелъ, молча пожавъ ему руку, и наступила тишина одинокаго размышленія—слѣпой упалъ духомъ. Небывалое волненіе овладѣло имъ. Тоска, страхъ, горе убивали его. Онъ не видѣлъ Анну семь мѣсяцевъ; вѣрнѣе—послѣдній разъ онъ видѣлъ ее семь мѣсяцевъ назадъ и болѣе увидѣть не можетъ. Огнниѣ, даже еслибы онъ остался жить, ему оставалось лишь воспоминаніе о чертахъ лица Анны, ея улыбкѣ и выраженіи глазъ; воспоминаніе, вѣроятно, дѣлающееся все болѣе смутнымъ, измѣнчивымъ, въ то время, какъ тотъ

же голосъ, тѣ же слова, та же сила прикосновенія близкаго существа будутъ неопровержимо твердить, что и наружность этого существа та же, какой онъ ее забылъ, или почти забылъ.

Онъ такъ ясно представилъ себѣ все это, угрожающее ему, если онъ не разможнитъ себѣ черепъ и не избавится отъ слѣпоты, что не захотѣлъ даже подвергнуть себя послѣднему допросу относительно твердости своего рѣшенія. Смерть даже какъ бы улыбалась ему. Она манила и лѣбила отдыхомъ, великимъ Еичѣмъ. Но, на ряду съ этимъ, мучительное желаніе увидѣть Анну вызвало на его, прикрытые темными очками, глаза, тяжкія, судорожныя слезы, скупыя слезы мужчины, вынужденнаго измѣнить твердости, сломеннаго, почти добытаго. Онъ спрашивалъ себя, что мѣшаетъ ему, не дожидаясь звонка съ улицы и перваго, еще веселаго для нея, поцѣлуя—теперь же употребить въ дѣло револьверъ? Ни онъ и никто другой не могъ бы отвѣтить на это. Можетъ быть, послѣдній ужасъ выстрѣла на глазахъ Анны,— не въ одиночествѣ,—притягивалъ его своей властью, необъяснимой, но несомнѣнной властью приставаго взгляда змѣи.

Звонокъ въ прихожей веколыхнулъ все существо Коллена. Онъ всталъ, ноги его подкашивались. Всѣмъ напряженіемъ воли, всей тоской непроницаемой тѣмы, окружавшей его, онъ усиливался различить хоть что либо среди злобшаго мрака. Увы! только огненные искры, слѣдствіе сильнаго прилива крови къ мозгу, бороздили этотъ свирѣпый мракъ, равный отчаянію. Анна вошла; онъ совсѣмъ близко услышалъ ея шаги, звучащіе теперь иначе, чѣмъ тогда, когда онъ видѣлъ, какъ она двигается: звукъ ихъ раздавался какъ бы на одномъ мѣстѣ и очень громко.

— Дорогой мой,—сказала молодая женщина;—милый мой, дорогой мой!

Ничего не произошло. Онъ по прежнему не видѣлъ ея. Колленъ сунулъ руку въ карманъ.

— Анна!—хрипло сказалъ онъ, отводя пальцемъ предохранитель;—я ослѣпъ, я больше не хочу жить. Делаванъ все разскажетъ... Прости.

Руки его тряслись. Онъ выстрѣлилъ въ високъ, но не совсѣмъ точно; пуля разбила надбровную дугу и уларилась о карнизъ окна. Колленъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ. Падая, онъ увидѣлъ свою, какъ бы плавающую въ густомъ туманѣ, руку съ револьверомъ.

Анна, безпорядочно суетясь и вскрикивая, склонилась надъ мужемъ. Онъ увидѣлъ и ее, но также смутно, а затѣмъ и комнату, но какъ бы въ китайскомъ рисункѣ, безъ перспективы. Именно то, что онъ увидѣлъ,—лишило его сознанія, а не боль и предполагавшаяся близкая смерть. Но во всемъ этомъ, въ силу потрясающей неожиданности, не было для него теперь ни страха ни радости. Онъ успѣлъ сказать только:—«Кажется, все обошлось...»—и впалъ въ безчувствіе.

— Это было очень полезное нервное потрясеніе:—сказалъ черезъ недѣлю докторъ Коллену, ходившему съ огромнымъ рубдомъ надъ глазомъ.—Пожалуй, только оно и могло вернуть вамъ то, что дорого для всѣхъ—свѣтъ.

А. С. Григъ.

Башмачекъ королевы Ядвиги.

(ПОЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Вотъ что разсказала мнѣ бабушка:

Когда королева Ядвига прѣехала въ Краковъ короноваться, всѣ были ей очень рады. Повсюду разсказались пѣсни. И неудивительно. Ядвига была молоденькая, пятнадцати лѣтъ, красивая какъ ангелъ Божій, и очень добрая.

Повсюду раздавались пѣсни въ честь Ядвиги, а дорога къ собору была устлана амарантовымъ сукномъ. По этому сукну шла королева Ядвига въ своихъ бальныхъ башмакахъ, и ступала совсѣмъ безшумно, потому что была маленькая и легкая, какъ птичка.

Соборъ рѣшили обновить ко дню ея коронаціи. Но не успѣли окончить этой работы, хотя всѣ каменщики города трудились день и ночь. Очень ужъ онъ былъ огромный—старый краковскій соборъ.

И вотъ, въ самый день праздника, когда Ядвига шла въ своихъ бальныхъ башмакахъ по красному сукну къ главной двери собора, тамъ и сямъ еще стучали молотками каменщики.

— Тукъ-дзинь! Тукъ-дзинь!—это было похоже на щебетанье птицъ.

— Что это за птица щебечетъ такъ громко?—спросила королева у своихъ придворныхъ.

— Это не птицы, Милостивая Пани, это каменщики. Простите, мы не успѣли закончить обновленіе собора ко дню вашего прѣезда.

И придворные начали извиняться передъ королевой Ядвигой.

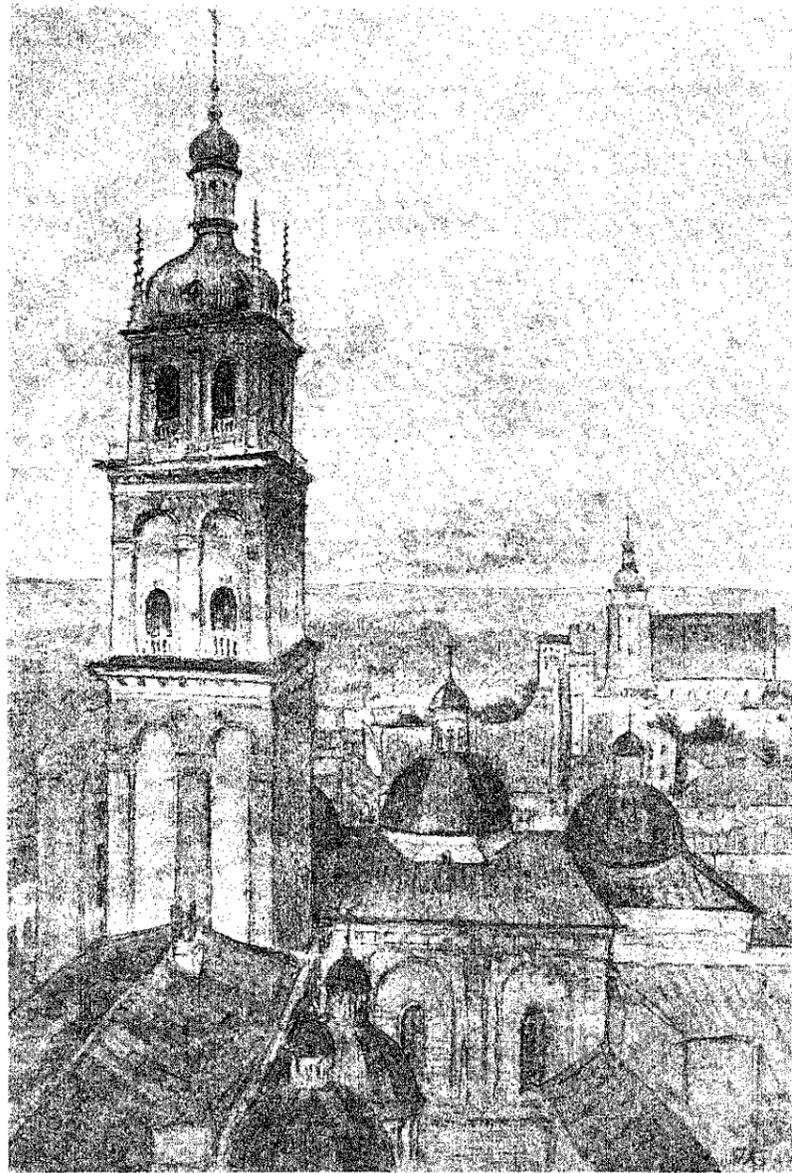
А она имъ:

— Подождите тутъ, я хочу посмотрѣть, какъ работаютъ мои каменщики.

И пошла одна по амарантовой дорожкѣ обходить соборъ. Она шла совсѣмъ безшумно, потому что сукно было мягкое, а туфельки ея—легкія.

А на туфелькахъ—я забыла тебѣ сказать—были безцѣнные брилліантовыя пряжки.

Рис. Лукомскаго.

ЛВОВЪ, УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

рую обтачивалъ каменщикъ, сняла съ туфельки безцѣнную брилліантовую пряжку, и сказала:

— На, возьми. Это на хлѣбъ твоимъ дѣтямъ.

Каменщикъ ни слова не отвѣтилъ,—былъ гордый и не умѣлъ благодарить. Но онъ схватилъ молотокъ и выбилъ въ гранитѣ слѣдъ отъ туфельки королевы Ядвиги.

Этотъ слѣдъ остался и понынѣ. Путешественники осматриваютъ его и вспоминаютъ о доброй королеви Ядвигѣ.

М. Моравская.

Идетъ она тихонько, смотритъ на рабочихъ, а рабочіе не замѣчаютъ ея. Они переговариваются:

— Надо сегодня дѣло окончить, пока не прѣехала королева Ядвига.

Они себѣ переговариваются и весело поютъ. Всѣ рады, что королева прѣдетъ вѣнчаться, потому что всѣ слышали о ея добротѣ. Только одинъ каменщикъ не поетъ, груститъ, и на молотокъ его капаютъ слезы.

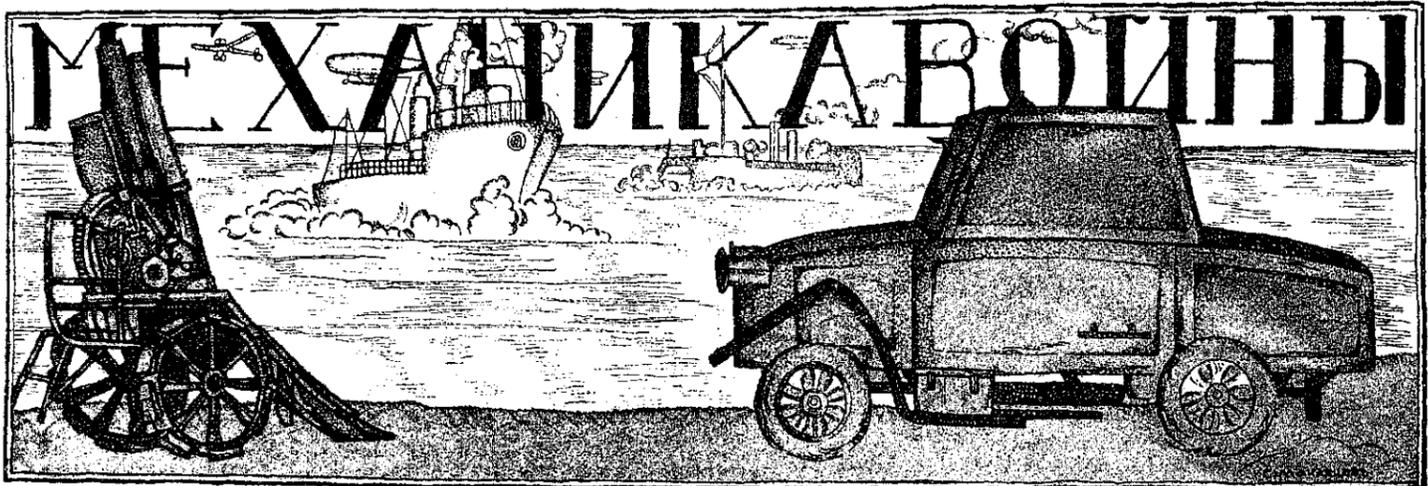
— Почему ты не поешь, какъ твои товарищи?—спрашиваетъ его Ядвига.

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что говоритъ съ нимъ сама королева. Но не смутился, потому что былъ гордый. Отвѣчаетъ:

— А чего мнѣ радоваться, Милостивая Пани? Я бѣдный, у меня много дѣтей и жена больная. Прокормить ихъ всѣхъ не могу.

Тогда королева Ядвига поставила ножку на пыльную гранитную плиту, кото-

КАКЪ только началась настоящая, въ истинномъ смыслѣ слова, мировая война, получилось ощущение, что она сдѣлается величайшей изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ на землѣ трагедій.

Это ощущение ужаса войны родилось задолго до того, какъ проявилось въ ней лицо тевтона. Германскіе методы войны—разбойничье разбрасываніе минъ въ открытыхъ моряхъ, разстрѣлы женщинъ и дѣтей, бросаніе бомбъ въ мирное населеніе, разрушеніе городовъ, памятниковъ искусства и старины,—все это придадо мировой войнѣ, наоборотъ, какой-то несовременный характеръ. Въ этомъ варварствѣ германцевъ проявился скорѣе элементъ средневѣковья, и неудивительно, что для характеристики этой стороны настоящей войны человечество, не исключая самихъ германцевъ, прибѣгаетъ къ образамъ, созданнымъ средневѣковьями. Говорятъ о гуннахъ, варварахъ, о вандализмѣ.

Ужасъ настоящей войны лежитъ не въ варварствѣ отдельныхъ ея проявленій, не въ жестокостяхъ и злѣвѣсткахъ германцевъ, заклеимленныхъ всѣмъ міромъ.

Удалите изъ вашего сознанія Лувенъ, Реймсъ и другіе образы германскаго варварства, и все же въ насъ будетъ живо ощущеніе великаго ужаса настоящей войны, потому что никогда до сихъ поръ не приходили въ

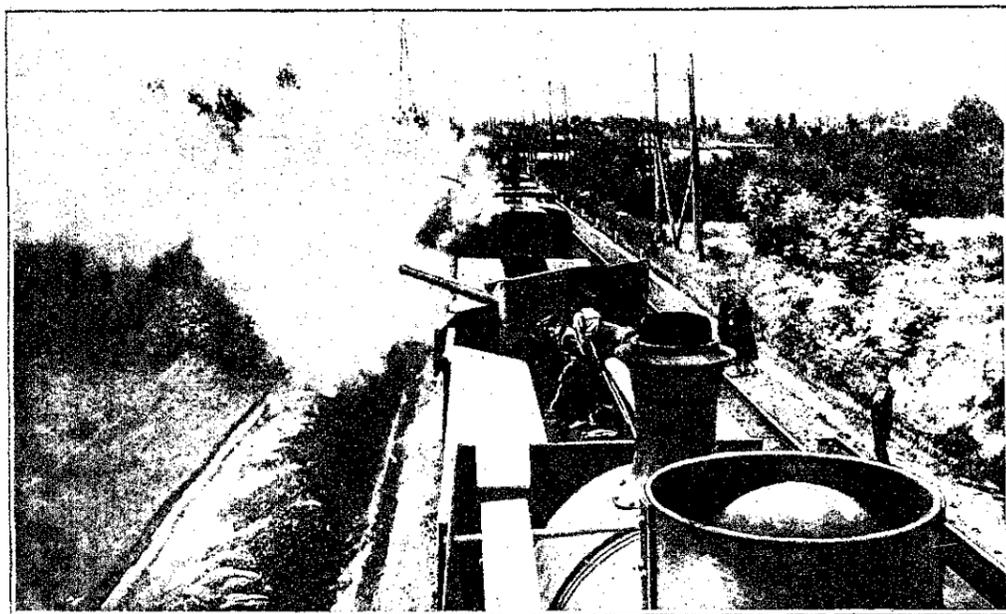
столкновеніе такіа грандіозныа арміи: никогда еще сила, выдержка и настойчивость сражающихся не были такъ велики; никогда, наконецъ, механика войны и вооруженій не были доведены до такого совершенства, какъ въ настоящее время.

О численности сражающихся армій, мы сейчасъ располагаемъ только приблизительными данными. Но то, что мы знаемъ, поражаетъ: такихъ грандіозныхъ армій не знала еще человѣческая исторія.

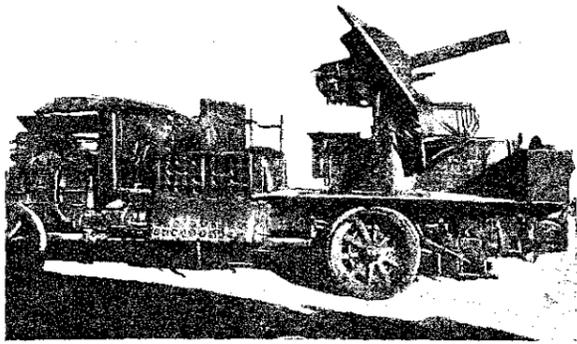
Самой организованной и наиболѣе близкой по своимъ формамъ къ нашему времени была Франко-Прусская война. Германія мобилизовала для этой войны всю свою армію, всѣ резервы и всѣ второочередныа войска. Однако, даже въ моментъ наивысшаго напряженія вся германская армія насчитывала только 1.021.000 человекъ. Изъ этого числа на театрѣ военныхъ дѣйствій находилось всего 519.783 чел. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

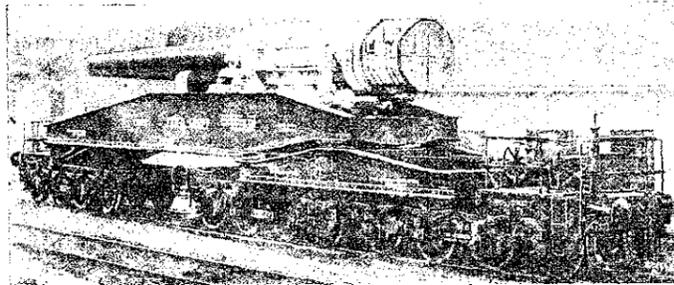
ПУЛЕМЕТЫ.

АНГЛІЙСКІЙ БЛИНДИРОВАННЫЙ ПОВЪЗДЪ ВЪ ДѢЙСТВІИ.

Германскій автомобиль для стрѣльбы въ воздухъ.

Железнодорожный вагонъ-платформа для перевозки тяжелыхъ орудій.

По тѣмъ временамъ это была огромная армія, но какъ мала и ничтожна она по сравненію съ настоящей войной!

Мы, конечно, не знаемъ еще точной цифры теперешней германской арміи, но всѣ данныя указываютъ на то, что численность ея равна приблизительно 5 милліонамъ. Эта колоссальная цифра значительно превышаетъ сумму всѣхъ германскихъ армій, участвовавшихъ въ войнахъ XIX вѣка.

Арміи другихъ воюющихъ державъ возрасли, вѣроятно, въ еще большей степени, нежели германская.

И, тѣмъ не менѣе, коренное отличіе настоящей войны отъ всѣхъ войнъ, бывшихъ до сего времени, заключается не въ этомъ гигантскомъ ростѣ армій.

Законы войны, военное искусство не измѣняются въ зависимости отъ численности сражающихся. Они теперь тѣ же, что и во время Франко-Прусской войны, тѣ же, какими были сто лѣтъ назадъ.

Наполеоновская стратегія и тактика считаются классическими и теперь, а знаменитая суворовская формула: «быстрота, глазъвърѣ, натискъ» выражаетъ собой квинтъ-эссенцію военного искусства одинаково для всѣхъ временъ.

Что же измѣнилось?

Измѣнилась лишь механика войны, но настолько глубоко и значительно, что мы можемъ съ полнымъ правомъ говорить о переворотѣ, подобномъ тому, который въ XVI вѣкѣ былъ созданъ открытіемъ огнестрѣльнаго оружія.

Чтобы показать, въ какой мѣрѣ механика современной войны отличается отъ вооруженій прошлыхъ войнъ, достаточно сравнить состояніе вооруженій настоящаго дня съ тѣмъ, какимъ оно было 10 лѣтъ тому назадъ.

Десятилѣтіе! Какой ничтожный промежутокъ времени! Едва замѣтный мигъ въ исторіи человѣчества! И все же, въ области вооруженій мигъ этотъ подобенъ столѣтію, такъ какъ за послѣдніе 10 лѣтъ въ этой области достигнуто больше, чѣмъ за весь девятнадцатый вѣкъ.

Дѣйствительно, 10 лѣтъ тому назадъ въ англійскомъ флотѣ появились первые броненосцы-гиганты такъ называемые дредноуты, и своими 12-дюймовыми пушками и 17 тысячами тоннъ водоизмѣненія казались чудомъ, предѣломъ технического достиженія. И что же: че-

резъ 10 лѣтъ готовы къ бою новые гиганты—сверхдредноуты, которые настолько же больше дредноутовъ, насколько дредноуты больше предшествовавшихъ имъ типовъ. За 10 лѣтъ—увеличеніе развѣра на двѣмъ 10.000 тоннъ водоизмѣненія и калибра орудій на двѣмъ 3 дюйма.

Эти 3 дюйма—это форменный переворотъ, такъ какъ дальнобойность и сокрушающая сила орудій увеличились, по меньшей мѣрѣ въ 6 разъ. Достаточно указать, что 15-дюймовыя орудія стрѣляютъ гранатами вѣсомъ около 1.000 пудовъ и пробиваютъ самую толстую броню на разстояніи 12 миль, причемъ крайній предѣлъ попаданія изъ такого орудія—27 англійскихъ миль.

Когда 25 лѣтъ назадъ въ Англии были спущены броненосцы типа «Викторія», въ публикѣ было очень сильное возмущеніе по поводу чрезмѣрныхъ затратъ. 350.000 ф. ст. на постройку одного боевого судна!

Однако, спустя 15 лѣтъ на постройку дредноута затрачивали уже отъ 1 до 1½ милліона ф. ст., а въ настоящее время сверхдредноуты обходятся больше чѣмъ въ 3 милліона фунтовъ стерлинговъ.

Тѣмъ же темпомъ шло совершенствованіе морской артиллеріи. За послѣднія десятилѣтія прогрессъ въ этой области во мно-о разъ превосходитъ усовершенствованія за рядъ предшествовавшихъ столѣтій.

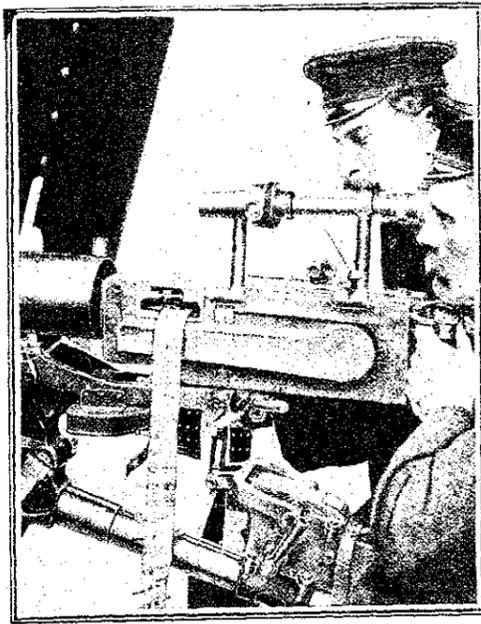
Въ 70-хъ годахъ длина орудій не превышала еще 30—35 калибровъ; къ концу XIX вѣка достигла 40; въ настоящее время превышаетъ 65 калибровъ. Дальнобойность стрѣльбы въ XVI столѣтіи не превышала 2-хъ кабельтовыхъ (175 сажень). Двѣнадцатидюймовыя орудія, которыми вооружены дредноуты, попадаютъ на разстояніи 100 и болѣе кабельтовыхъ (свыше 7 верстъ). 15-тидюймовое орудіе сверхдредноутовъ стрѣляетъ на разстояніи 27 англійскихъ миль. Изъ Дувра такое орудіе можетъ обстрѣливать Калѣ.

Какъ ни поразителенъ успѣхъ, достигнутый за послѣднее десятилѣтіе въ области броненоснаго флота, онъ значительно уступаетъ развитію орудій минной войны.

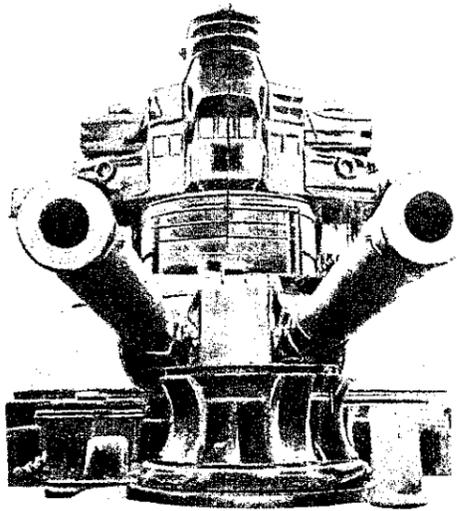
Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ миноноски и контръ-миноноски были настолько слабы и отно-

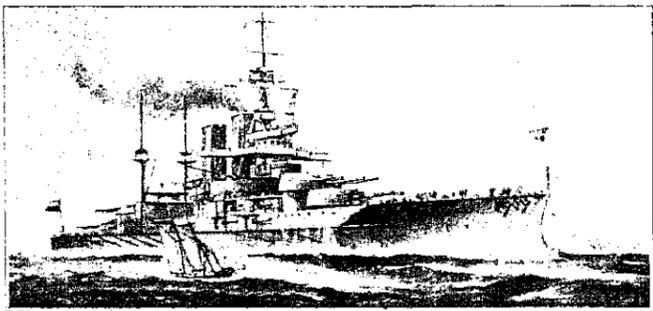
Воздушная стрѣла. Бросаніе воздушной бомбы съ аэронавта.

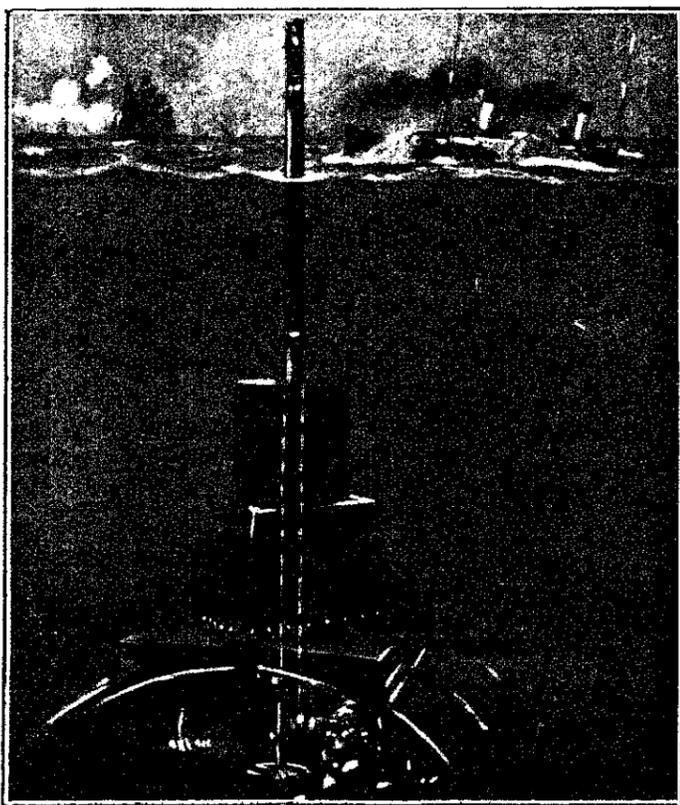
СТРѢЛБА ИЗЪ ПУЛЕМЕТА.

Жерла 12-ти дюймовыхъ орудій на английскомъ дредноутѣ.

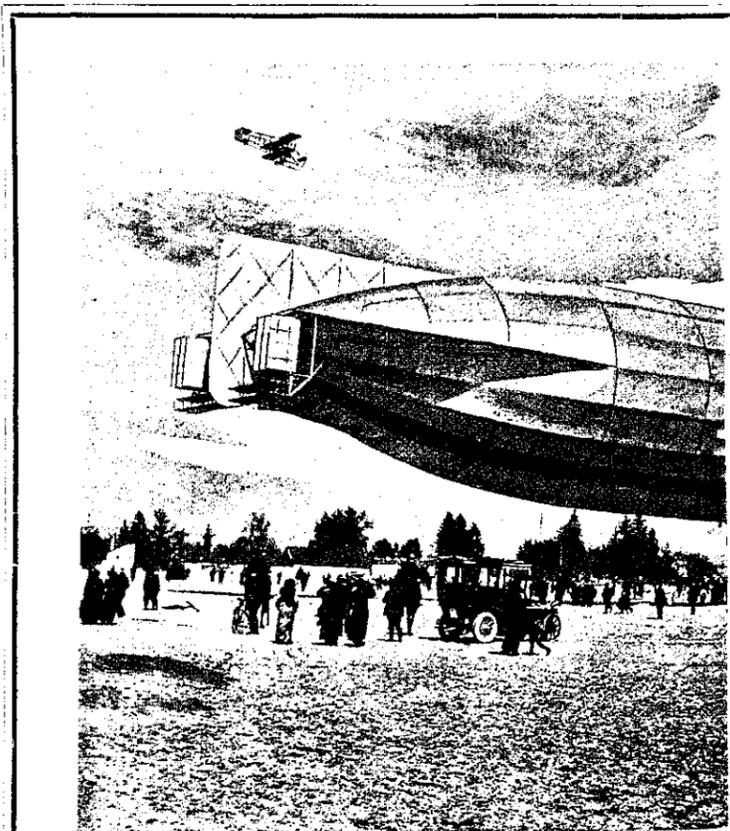
АНГЛІЙСКІЙ СВЕРХЪ-ДРЕДНОУТЪ.

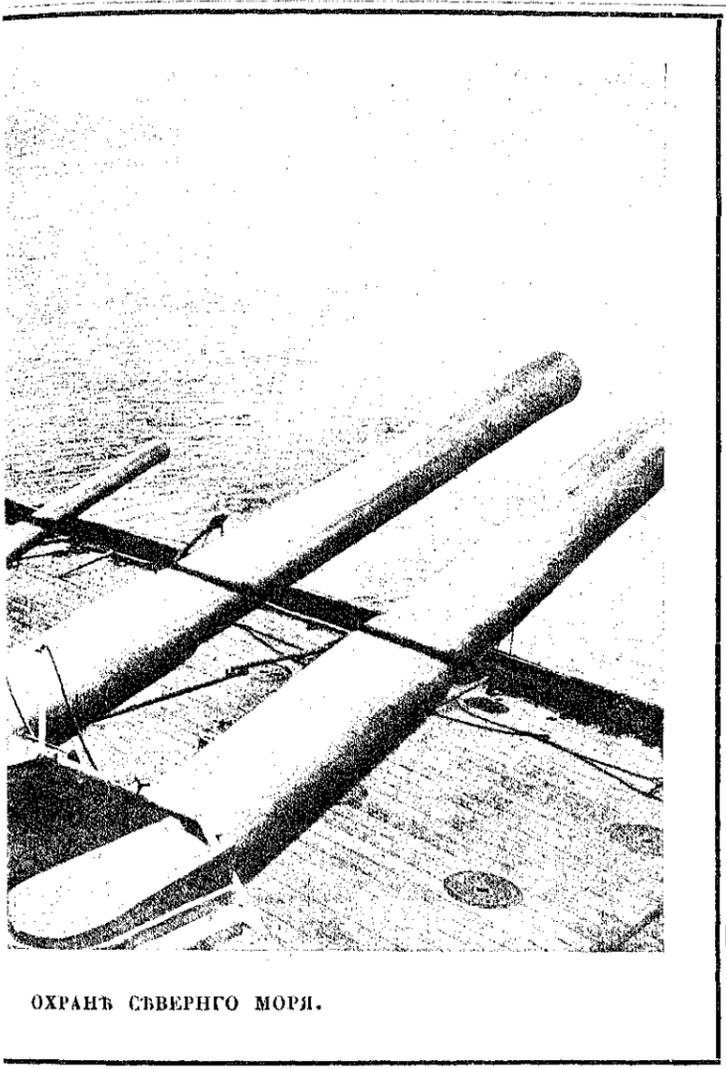
ГЛАЗА ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ.

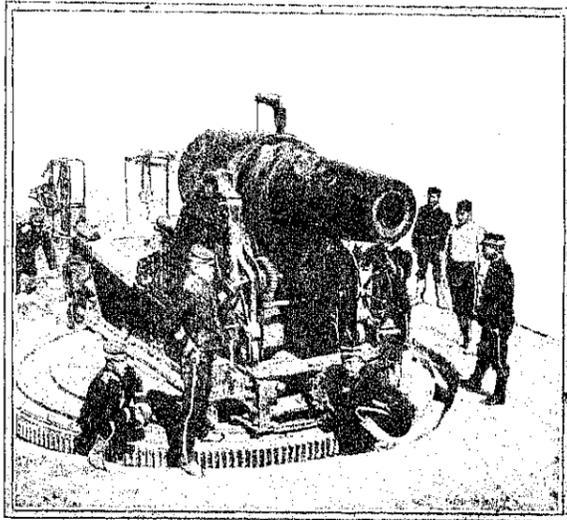
АНГЛІЙСКІЙ КРЕЙСЕРЪ НА

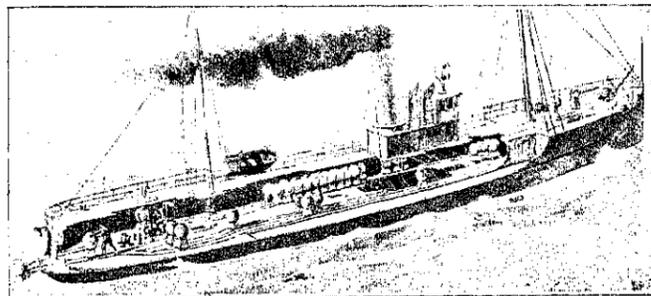
ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЕННЫЙ АЭРОПЛАНЪ, КАКЪ ЯСТРЕБЪ, КРУ

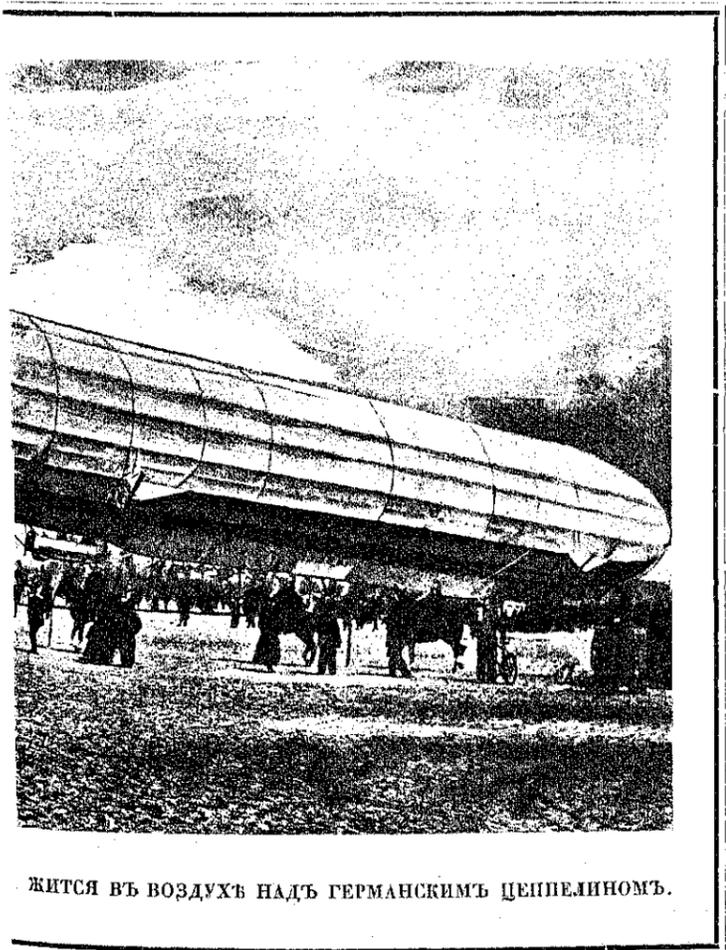
ОХРАНЪ СЪВЕРНГО МОРИ.

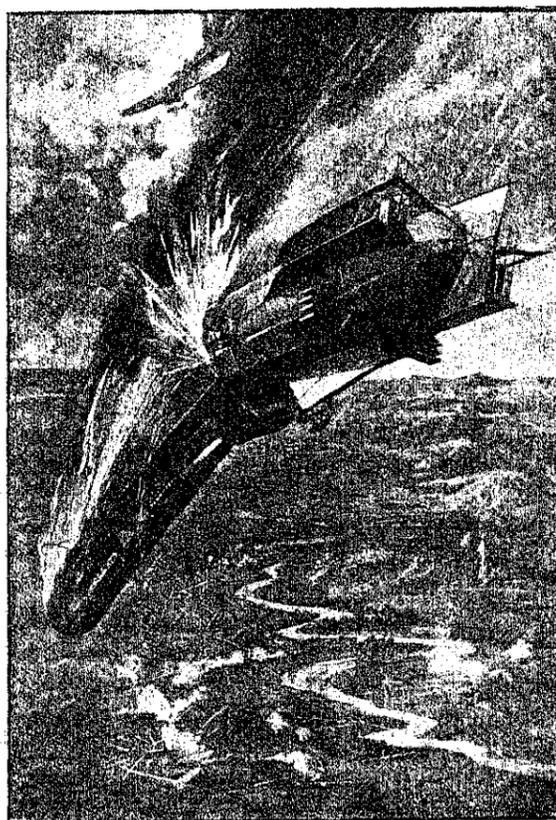
ЯПОНСКАЯ 11-ТИ ДЮЙМОВАЯ МОРТИРА.

ГЕРМАНСКІЙ МИННЫЙ ЗАГРАДИТЕЛЬ.

ЖИТСЯ ВЪ ВОЗДУХЪ НАДЪ ГЕРМАНСКИМЪ ЦЕНПЕЛИНОМЪ.

Французскій летчикъ, взрывающій бомбой германскій центелингъ.

нительно безвредны, что моряки добродушно называли их москитами моря. Теперь—это самые страшные и самые прожорливые морские чудовища, уносящие наибольшее число жертв.

Минная война велась и в старое время. Уже во время Крымской кампании впервые были применены мины заграждения. Американская война за независимость и Русско-Турецкая война 1877 года были особенно богаты замечательными минными атаками.

Но никогда минная война не занимала такого места в морской войне, никогда она не велась так систематически, и никогда орудия ее не достигали такого совершенства, как сейчас.

Современные миноносцы больше и больше могут, чем контр-миноносцы 10 лет тому назад. А современные контр-миноносцы по величине и быстроходности могут поспорить с крейсерами старого типа.

В 1908 году самый большой контр-миноносец британского флота имел лишь около 800 тонн водоизмещения, а скорость—33 узла. В настоящее же время тоннаж наибольшего контр-миноносца британского флота почти утроился, а скорость его равняется 39 узлам в час. В той же степени за это время усовершенствованы вооружение, минные аппараты и маневрирование миноносцев.

За 10 лет минная флотилия выросла и качественно и количественно больше чем в 3 раза.

Подводный флот—истинное дитя последнего десятилетия. Надь созданием его человечество билось больше 100 лет, но как боевая реальная величина подводная лодка родилась в 1904 году. Теперь, едва достигнув 10 лет, подводная лодка, на наших глазах, празднует свои первые кровавые триумфы в эту войну.

Еще 10 лет тому назад в британском флоте было только несколько подводных лодок наиболее усовершенствованного в то время типа «Голландь». Но они не имели никакого боевого значения. Водоизмещение их колебалось между 100 и 150 тоннами, скорость хода их была около 9 узлов, а радиус действия их равнялся приблизительно 500 миль.

Достаточно сравнить эти данные с соответствующими для лодок новейшего типа, чтобы разница стала очевидной. Водоизмещение новейшей лодки равняется 1.000 тонн, скорость хода их под водой—18 узлов, а радиус действия 4.000 и больше миль.

Вооружение старых лодок состояло из одного минного аппарата, и такая лодка могла выпустить, большей частью наугад, одну мину. Современные лодки имеют по 6 минных аппаратов и большой запас торпед, из которых каждая в количестве взрывчатых веществ, достаточным для того, чтобы пустить ко дну самое могущественное боевое судно.

Но самое важное отличие современной подводной лодки от лодки старого типа—это перископ. Так называется оптический аппарат, позволяющий под водой видеть все, что делается на поверхности ее.

Изобретение перископа сделало подводную лодку зрячей. Она не должна, подобно ее предшественнице, бродить под водой, точно слепая и ощупью производить свои атаки. Этот маленький аппарат сделал

возможным ориентироваться, держать курс, маневрировать и уйти под водой с такою же уверенностью, как на поверхности воды.

Параллельно развитию подводной лодки шло развитие самодвижущихся мин или так называемых торпед. Торпедо это огромная мина, имеющая форму рыбы и состоящая из следующих частей: в хвостовой части находится четырехлопастный винт и вертикальный и горизонтальный рули глубины и направления. Среднюю часть торпеды занимает машинное отделение, получающее энергию из особой камеры, в которой находится воздух под давлением около 200 атмосфер. В головной части находится динамит или другое взрывчатое вещество и весьма чувствительное приспособление для взрыва, при столкновении торпеды с каким-нибудь твердым телом.

Стрельба производится из особого минного аппарата, который выталкивает торпеду посредством сжатого воздуха или взрыва пороха. В тот же момент пускается в ход собственный двигатель торпеды и невидимое противником торпедо мчит под водой, неся смерть и разрушение.

В последнее время меткость стрельбы доведена до большого совершенства, благодаря, главным образом, гироскопу, автоматически сохраняющему первоначальное направление, данное торпедо, вопреки течению и другим влияниям, с которыми приходится бороться под водой.

До чего теперь метка стрельба подводной лодки, мы видели на примере потопления 3 английских крейсеров тремя последовательно выпущенными торпедо с германской подводной лодки.

Подводная лодка и торпеды тем более страшные орудия, что они действуют против наименее защищенных подводных частей линейных кораблей.

Значительно менее действительны и менее опасны для противника мины заграждения. С ними успешно борются, вылавливая их осторожно из воды или взрывая их на расстоянии посредством так называемых контр-мин. Это огромные мины, которые подводят близко к минной зоне и взрывают на расстоянии посредством электрической искры.

Если, таким образом война под водой за последние десять лет развилась из незначительного зачатка, то война в воздухе появилась как Deus ex machina.

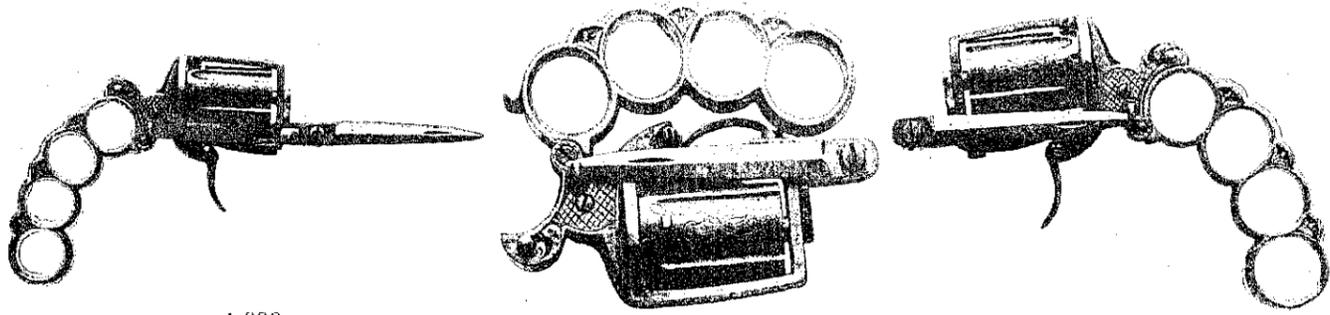
Авиация и воздухоплавание лучшее доказательство того, что человечество может совершить в одно десятилетие.

Десять лет тому назад не было ни одного летательного аппарата. Проблема авиации считалась неразрешимой, и только несколько энтузиастов мечтали о покорении воздуха. И вдруг случилось чудо. Человек полетел. Это было 23 октября 1906 года. Сантос Дюмонь пролетел на аппарате тяжелее воздуха 8 ярдов. Как ничтожен ни был этот успех, проблема воздухоплавания была разрешена. В 1908 году было уже 4 человека, умевших летать. В настоящее время, через 6 лет, авиаторов больше 12.000, и воздухоплавание—неотъемлемая часть армии.

Все армии теперь обладают значительными флотилиями аэропланов и дирижаблей. Среди них имеются боевые, бронированные дирижабли, до 500 футов длиной, снабженные беспроволочным телеграфом и вооруженные пулеметами. Многие из них совер-

Автомобиль-пушка для обстрела аэропланов и дирижаблей.

шают полеты до 1.000 миль и поднимают до 1 тонны взрывчатых веществ.

Съ перваго дня появления ихъ на свѣтъ, генийъ челоуѣчества работала надъ ихъ вооруженіемъ. Въ настоящее время авіація обладаетъ дѣлымъ рядомъ смертоносныхъ орудій.

Первое мѣсто занимаютъ автоматическія воздушныя бомбы. Онѣ до того чувствительны, что взрываются даже отъ соприкосновенія съ мягкимъ тѣломъ, глиной, сѣбгомъ или водой.

За ними слѣдуютъ: воздушное торпедо, которое благодаря гидроскопу сохраняетъ разъ данное ему направленіе и движется къ цѣли со скоростью ружейной пули; воздушная

РЕВОЛЬВЕРЪ-КАСТЕТЪ И КИНЖАЛЪ.

являются въ настоящее время неотъемлемой и необходимѣйшей частью военныхъ дѣйствій.

Не менѣе важна и не менѣе неожиданна роль, которую въ этой войнѣ приходится играть автомобилю. Бронированный автомобиль, вооруженный пулеметами, это поистинѣ адская кавалерія, наводящая паническій ужасъ въ неприятельскихъ рядахъ. Автомобильно-развѣдочная служба; автомобильный обозъ—все это придаетъ современной войнѣ особый, какой то механический отпечатокъ.

Перечислять всѣ усовершенствованія полевой и крѣпостной войны, фортификаціонныхъ и вѣхъ инженерныхъ приѣмовъ и приспособленій, нѣтъ нужды. Достаточно ска-

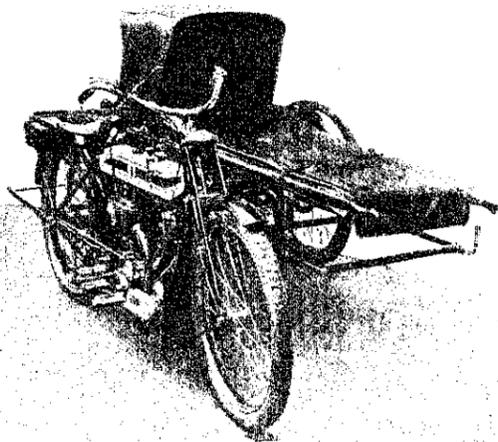

ВРЕМЕННЫЙ САНИТАРНЫЙ ПОЕЗДЪ ВСЕРОССИЙСКАГО ЗЕМСКАГО СОЮЗА.

граната и шрапнель для бомбардировки неприятельскихъ фортовъ, желѣзнодорожныхъ станцій и полевыхъ укрѣпленій.

Какъ уже выяснилось во время настоящей войны, боевое значеніе воздушнаго флота очень велико, но главное значеніе его — развѣдочная служба. Авіація — это глаза арміи.

Воздушный флотъ для бомбардировки неприятельскихъ крѣпостей коммуникаціонныхъ линій, война въ воздухѣ, а главнымъ образомъ, воздушная развѣдка —

МОТОЦИКЛЕТКА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ РАПЕННЫХЪ.

зять, что за послѣдніе 10 лѣтъ въ инженерно-военной области отмѣчаютъ прогрессъ по меньшей мѣрѣ, на 100%.

Если къ этому прибавить, что къ услугамъ войны въ настоящее время находится всѣ усовершенствованія и изобрѣтенія послѣдняго времени въ области телефона, телеграфа, радиотелеграфа, электрической сигнализации, освѣщенія мѣстности и прочее, то мы получимъ представленіе о характерѣ современной механики войны!

Мих. Семеновъ.

